Ясмина Сапфир
Убить нельзя научить
спартакиада для варваров
Цикл "Убить нельзя научить"
Книга 3

Убить нельзя научить

Ясмина Сапфир

Спартакиада для варваров

«Ясмина Сапфир»

2017

Сапфир Я.

Спартакиада для варваров / Я. Сапфир — «Ясмина Сапфир», 2017 — (Убить нельзя научить)

Бег на переперченной местности? Гимнастика с художествами? Гонки с велосипедами в карманах? Только для вас и только в Академии Всего и Ничего — спортивные состязания! Сборная трех вузов перекрестий против команды злых колдунов! Чтобы победить, придется запастись чувством юмора и даже не мечтать о тишине и покое. Ведь для варвара спорт — это война, а война — тот же спорт! И если ты живешь и работаешь рядом с ним, то волей-неволей это придется принять. Но и в самых сложных обстоятельствах варвар сумеет спасти мир, защитить свою женщину и найти время для потехи.

© Сапфир Я., 2017
© Ясмина Сапфир, 2017

Содержание

Благодарность 5
Убить нельзя научить. Спартакиада для варваров 6
Пролог 6
Глава 1 10
Глава 2 18
Глава 3 34
Глава 4 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Ясмина Сапфир
Убить нельзя научить.
Спартакиада для варваров

Благодарность

Хотелось бы выразить благодарность всем, кто поддерживал меня на творческом пути, помогал поверить в себя, в свои книги и работать дальше. Тем, кто в самые тяжелые минуты помогал не сдаваться, идти вперед и продолжать верить в победу.

В первую очередь хочу поблагодарить мою замечательную бету Кэт (Оксану Матвееву) за ее всегда своевременную помощь, дружескую руку, когда очень нужно.

Хочу выразить признательность моему литературному редактору. За прекрасные советы, правильные замечания, за то, что помогла поверить в себя.

Огромное спасибо группе Офигенных и отдельно Александру Форшу и Светлане Рязанской.

Большое спасибо и моим читательницам, без которых серия не только не родилась бы, но и не увидела свет – Ирише Иришкиной, Наталии Смирновой, Наталье Ефремовой, Нине Герц, Анастасии Финогеновой, Светлане Холодовой, Юлии Решетниковой, Наталье Меркуловой, Полине Григорьевой, Елене Кузьминой, Ольге Шубиной и многим другим. Девушки! Вы лучшие! Я не устаю благодарить судьбу за то, что у меня такая поддержка, такие читатели.

Отдельно благодарю замечательных админов группы Ясмины Сапфир: Нину Герц и Наталию Смирнову. Низкий поклон за ваш ежедневный кропотливый труд!

Огромное спасибо моим коллегам, которые учили меня, советовали и поддерживали морально: Татьяне Богатыревой, Марии Сакрытиной, Ирине Успенской.

И, наконец, большое спасибо моей новой, замечательной бете – Евгении Щепетновой. Именно она помогала мне вычитывать вторую и третью книги серии «Убить нельзя научить».

Хочу также посвятить пару строчек моей маме. К сожалению, она не дожила до момента, когда я начала публиковаться. Но часто, когда я описываю переживания героинь и просто эмоциональные моменты, я вспоминаю ее. Самую лучшую маму на свете.

Убить нельзя научить. Спартакиада для варваров

Пролог

Ольга

В Академии Всего и Ничего царил нечеловеческий бардак. Наверное, потому, что работали и учились тут не люди, не боевые маги и даже не внушатели. Трудились здесь во славу перекрестий аннигиляторы. Колдуны, что способны превратить в пыль любую нормальную вещь и создать из нее черт знает что. Слава богу, на живых существ их магия вообще не действовала. Иначе по Академии бродили бы бесформенные монстры, больше похожие на живые модели для картин абстракциониста.

Чтобы провести тут Спартакиаду трех вузов перекрестий, достаточно приехать с варварами, деревом и… котом. Но вот чтобы спастись от безалаберности аннигиляторов, недостаточно даже владеть электричеством и магнитным полем. Нужно, скорее всего, предвидеть будущее, подстелить соломку заранее и отчаянно надеяться на лучшее.

– Хм… Увольняешься, говоришь? Дезертируешь? А ты не шутишь? – Мой муж и по совместительству варвар из племени скандров Вархар Изилади заломил бровь, и три родинки над ней приподнялись.

Проректор Академии Всего и Ничего Чарм Ларри – худощавый истл, больше похожий на тонкий стручок, – начал быстро растворяться в воздухе. Один из тысяч аннигиляторов был способен на такой трюк. Испариться в одном месте и появиться в другом, правда, не дальше, чем на несколько метров. Но от воинственного скандра так просто не отделаешься. Вархар небрежно выбросил руку вперед, его пятерня почти нежно сомкнулась на шее проректора, и тот проявился снова. Судя по выпученным глазам и красному лицу, он то ли не на шутку возмущался, то ли задыхался. Впечатление усиливали судорожные вдохи и широко открытый рот – настолько, что мы могли оценить все четыре идеально острых клыка, положенные проректору по расе. Была возможность заглянуть и поглубже, но узнавать, чем же эта раса завтракает, желания не возникло.

Со своими гривами, спускавшимися вдоль шеи, клыками и когтями истлы походили на людей-львов. Рыжая грива Чарма вздыбилась, синеватые когти словно бы пытались кого-то зверски расцарапать, но полосовали лишь несчастный воздух.

Что-то мне это очень напоминало…

В тот момент мимо окна как раз пролетал другой местный проектор – сальф Колинс Винди. Видимо, сработала народная примета – если мы приезжаем в чужую Академию хотя бы раз, кто-то из местных проректоров непременно ощутит на себе чудо полета.

Сальфы напоминали мне эльфов – всем, кроме ушей, самых обычных, без заостренных кончиков. Белокурый хвост Колинса развевался на ветру, а белоснежная туника и вовсе трепетала флагом. Синие глаза сальфа бешено вращались, изо рта вырывался беззвучный крик. Но вместо него мы услышали бравый возглас скандра Эйдигера Мастгури.

– Да ла-адно тебе! Подумаешь, стол, стул и шкаф. Они даже почти не раскокошились о подоконник. Так, на шесть-семь частей… Ты ж можешь все в энергию обратить и воссоздать заново! На то ты и аннигилятор!

– В шкафу был я-а-а! – возмутился Колинс и снова бешено завращал глазами. – Думал, вы зайдете, решите, что никого нет… И сколько раз говорить! Это был не мусор! Это были отчеты

наших преподов за все предыдущие семестры-ы! Просто пока я читал, некоторые частично аннигилировал! Совершенно случайно. На эмоциях. Читая такое, и вы бы не удержались…

– А-а-а! – вторил ему Мастгури. – Ну тогда прости. А я думаю – куда ты запропастился? Уже даже в ящиках тумбочек посмотрел и под столом. Ну мало ли… Я лишь хотел вытряхнуть из мебели мусор… Кто ж знал… То есть… Ну ты понял.

Колинс издал отчаянный вопль. Вархар выбросил вторую руку в сторону. Сальфа окружил световой купол и медленно приподнял к нашему окну. На лице Колинса появилась слабая надежда, что мы приютим его, как беженца от чудачеств старшего Мастгури. Его не смущал даже слегка придушенный Чарм, чье лицо медленно, но верно приобретало оттенок мела. Впрочем, скорее всего, он отлично понимал – на такую мелочь энергии жизни потребуется совсем немного, и врачи Академии приведут коллегу в порядок за считанные секунды. То ли дело общение со знаменитым медиком перекрестий! Сальф явно предпочитал встречу с пятерней Вархара рандеву с Эйдигером и его любимой электрошоковой терапией. Впрочем, врачебная династия братьев Мастгури всегда производила на окружающих незабываемое впечатление. О ней слагали легенды и писали ужастики преподы-сальфы, слабые духом, но сильные как литераторы.

Вархар был неумолим в своей гуманности, если он вообще знал это слово. Сальф полетел выше, в свой кабинет, к Эйдигеру.

– Я думал, ты смастеришь ковер-самолет… или как там у вас из воздуха все создают, – без грамма извинений в голосе поведал ему старший Мастгури.

– Чтобы создать что-то из воздуха, нужно что-то уничтожить… – зачем-то сообщил ему Колинс тоном ребенка, которого только что выпороли за проделки соседского хулигана.

– А-а-а, – отозвался Мастгури. Я прямо видела, как он закивал. – Ну, тогда извини. В следующий раз кину уже вместе со шкафом. Чтобы было что уничтожить… Или предпочитаешь, чтобы я выкинул шкаф следом? Ты только намекни! Для тебя ничего не жалко! Могу даже камень из здания вырвать и бросить…

Раздался грохот, слившийся с воплем Колинса, а Чарм сдавленно прохрипел:

– С-скажите, господин Изилади! А сколько студентов и преподавателей выживают в процессе обучения в вашей Академии? То есть велик ли процент?

– Сто процентов! Мы слабаков не держим! – Вархар разжал кулак, и Чарм рухнул на пол, потирая горло. На шее его, прямо под воротом желтой туники, проступили пять синяков. Эту «метку» проректор носил до самого вечера – пока не сходил в медицинский корпус.

– В общем, так, – изрек Вархар, пока истл переводил дух. – Увольняться будешь, когда мы разрешим. А пока продолжать подготовку к Спартакиаде! Вы принимающая сторона или где? Слабый аннигилятор нынче пошел! Гвенд вон – и тот радовался до слез, когда нас увидел. От счастья чуть не упал в обморок. Вот это я понимаю! С трудом, медленно, но дорастает-таки до мальчика. А за время Спартакиады, глядишь, дотяну его и до мужика… – Он прервался, закатил глаза к потолку, словно прикидывал, и покачал головой, обрисовывая руками худощавую фигуру Гвенда. – Нет, до мужика не дотяну… Но боевое крещение обеспечу! Тем более воинственные зальсы пожаловали. Рыжие, двухвостые и когтистые. Рядом с ними даже твои сородичи уже выглядят почти не животными.

– Или где? – заморгал Чарм, словно это были единственные слова, которые он понял или даже расслышал из речи Вархара.

Скандр не ответил. Вытащил из кармана брюк, как всегда на размер больше положенного, сложенный вчетверо листок и потряс им перед носом истла.

– Ты сам-то читал свое заявление?

Чарм удивленно уставился на моего мужа, словно тот спрашивал – смотрелся ли проректор в зеркало, прежде чем отправиться на общее собрание вуза.

– Понятно. Писал в бреду, не читая. Так я и думал, Оленька, – подмигнул мне Вархар. – Слышал, даже обезьяна легко наберет заявление об уходе, хаотично тыча в клавиатуру компьютера много часов. Читая некоторую современную литературу ближайших миров, начинаю думать, что авторы освоили этот метод в полной мере. Некоторые даже пошли дальше – используют уже ноги, а не руки. Руками в эти минуты, наверное, красят ногти или марафет наводят. Твой опус, Чарм, занял бы среди их шедевров одно из первых мест.

Истл обиженно надулся, и его узкое лицо с тонким, чуть крючковатым носом стало вдвое шире.

– Ладно! Ну ты сам послушай и сделай выводы.

Вархар прочистил горло и поставленным лекторским голосом зачитал:

– Прошу уволить меня по собственному желанию с должности проректора Академии Всего и Ничего, потому что приехали скандры. Без них невозможна знаменитая Спартакиада трех вузов перекрестья. Особенно теперь, когда в ней участвует команда из войска зальсов – дикая орда спортсменов-варваров. Даже внушатели согласились, что без сборной-армии Академии Войны и Мира нам не победить. Возможно, даже не выжить. Согласились, правда, сквозь всхлипывания и слезы. Наши проректоры, все как один, взяли самоотвод с должности организатора Спартакиады ввиду непреодолимых личных обстоятельств. У Истандера Рибли умерла любимая муха, у Светозара – разбилось надтреснутое бабушкино блюдце, у Тимана Нари – порвались любимые старые трико. И только я сглупил. Дело в том, что о прошлой Спартакиаде я помню лишь удар ядра по лбу от Бурбурусса Брабана по прозвищу Генерал. Едва приехав к нам в Академию, он кинулся тренироваться и демонстрировать «местным хилякам» «как надо». А я как раз шел на работу… Отвлекся на костюм Бурбурусса – майку на тонких бретельках, не закрывающую даже пупок, и лосины… хм… на голое тело. Очнулся я только через неделю после завершения Спартакиады. Но теперь я думаю, что Бурбурусс пожалел меня, позволив не наблюдать весь ужас, что творился после… А вот теперь я хлебнул сполна. Я почти не сплю, не ем и уже аннигилирую без всяческой магии…

Во-первых, они вырвали мне любимый зуб. Даже два любимых зуба. Эйдигер Мастгури объяснил это экспериментальным методом лечения заикания. Я начал заикаться, когда Вархар Изилади глубокой ночью пел серенады своей жене… под моими окнами. Он утверждал, что там самая лучшая акустика в Академии. Проснувшись от диких воплей скандра, я решил, что нашествие варваров уже началось, и стал заикаться. Мои аргументы, что квартира четы Изилади не просто в другом корпусе, а на четыре корпуса дальше, эффекта не возымели.

Эйдигер Мастгури вкатил мне такую дозу анестетика, что я не только ничего не чувствовал, но и не мог даже пальцем пошевелить. А потом рвал зубы, пока я не перестал заикаться, выращивал энергией жизни новые и выдирал опять. Заикание прошло, но начался нервный тик. Причем невзирая на действие анестетика. Тогда Ламар Мастгури, по прозвищу Доктор Шок, младший брат Доктора Зверя, как прозвали мы Эйдигера, начал бить меня электротоком. Утверждал, что улучшает мелкую моторику в целях полного и безграничного исцеления. Нервный тик прекратился, но стало подергиваться плечо.

Тогда Ламар Мастгури посадил меня на «целительный» электрический стул. Слава богу, отключенный от розетки! Но сам факт! Моя душа до сих пор отсиживается в пятках после рассказов о том, какое напряжение нужно подавать на электрический стул, чтобы пленник разговорился, а какое – чтобы замолчал. С тех пор я вообще перестал сидеть, зато ем и пью постоянно, в страхе, что меня снова начнут лечить.

Вархар прервался, окинул Чарма оценивающим взглядом и хмыкнул:

– Наверное, у тебя работа нервная. Все время ешь и не полнеешь! – сделал многозначительный вывод скандр.

Чарм поднял на него несчастные серые глаза, откинул за спину гриву и тяжело вздохнул:

– Работа нервная. В нашей Академии это не работа – хождение по канату над пропастью с голодными аллигаторами. А с вашим появлением…

Договорить проректору не дали. Бронзовая дверь его кабинета открылась с пинка и врезалась в стену так, что, кажется, пожалела о том, что ее не аннигилировали раньше. В дверях появилась квадратная фигура Доктора Шока. Как обычно, акулью улыбку Ламара не скрывали бармалейские борода и усы, а голубые глаза его сверкали почище жемчужных зубов.

На белом халате Доктора Шока на самой груди красовалась вышивка: «Если хотите полного и безграничного исцеления, спросите у меня как!» А на высокой шапочке, больше похожей на поварскую, добавлялось: «Электроукалывание – это не роскошь, а средство от медлительности спортсменов».

Чарм икнул и затих.

– Вархар! Я так больше не могу! – с порога возмутился Ламар так, словно пришел не в чужой кабинет, а в кабинет моего мужа. – Просил местных аннигиляторов испарить два провода. И что ты думаешь? Они испарили совсем не те. Теперь дрыгаются на полу и изображают, как будто удар током не взбодрил их, а угробил. Я лично проверял! Раз десять брался за эти провода влажными руками. Даже щекотки не почувствовал! Только энергичности прибавилось. Ну что за день-то? Одно расстройство! Утром приходил студент с больным животом. Я предложил ему свою уникальную методику высасывания токсинов с помощью электрических пиявок. И он… сбежал. Нет, я все понимаю, когда болит живот, иногда нужно убежать. Но его нет уже часа два! А пиявок я разморозил, и они хотят крови!

Чарм икнул снова, а потом еще и еще, будто всерьез полагал, что Доктор Шок, за неимением студентов, покусится на его кровь. А Ламар продолжил:

– Вчера пытался натаскать местных бегунов для Спартакиады. Бодрил молниями в пятки. В целом, конечно, тренировка на четверочку. Семеро из десяти начали бегать так, что я даже не всегда видел их на некоторых участках маршрута. Но другие почему-то до сих пор лежат в позе зародыша и просят маму родить их обратно. Странный у них юмор. Кстати! Вархар! Почему их называют – принимающая сторона? Что такое они принимают?

– Успокоительное, – нервно хихикнул Чарм и опасливо сглотнул.

Глава 1
Ректор-будильник

Ольга

Бом-м-м… бом-м… бом-м…

Вначале я подумала – это сон. Какой-то очередной смехотворный кошмарик про нашествие варваров. После нескольких месяцев жизни с одним из них эта ужасающая перспектива вызывала у меня только гомерический смех.

Но когда я отчетливо услышала треск и грохот падения входной двери, стало ясно – это уже не сон.

Двери в нашей чудо-Академии Войны и Мира бронзовые – все, как одна. Когда-то мне объяснили, что бронзовое крошево в стенах и мебели, бронзовые двери и ручки защищают вуз от остаточной энергии учащихся.

Вроде бы каждый здешний маг время от времени сбрасывает ее, словно ящерица – старую шкурку, и обрастает новой. А старая ищет другого носителя. Глядя на то, что делала с Академией энергия студентов и преподов, становилось ясно – действия остаточной вуз не переживет уж точно.

Я сразу поняла – на дверь в квартиру грозного Вархара Изилади мог покуситься только один-единственный скандр.

И моя догадка моментально подтвердилась. Езенграс Грискольти, наш несравненный ректор-скандр, зашагал по бронзовой двери так, что из соседнего окна послышались удивленные крики:

– А? Где? Опять в поход? – прокричал на весь академический двор наш знаменитый сосед – Лархар Зарзелази. – Уже встаю, мой генерал!

– А-а-а! Это было мое бедро-о-о! Варвар недоделанный! – ответила ему супруга – Марделина Зарзелази.

На очередное представление под названием «семейная разборка скандров Зарзелази» начали стекаться зрители. Я услышала, как открываются окна, раз за разом хлопают двери в коридоре и входная дверь общежития. Да так, что было ясно – соседи бросились на улицу сломя голову, торопясь полюбоваться очередным невиданным зрелищем. Зарзелази никогда не повторялись! Каждая их разборка стоила того, чтобы проснуться на несколько часов раньше или даже ночью, когда Марделина, нащупав супруга в постели, начинала выспрашивать его. Где был? Когда пришел? В чем пришел? Как пришел? И почему так поздно? Даже если вернулся супруг в шесть вечера в самом приличном для скандра виде – футболке в облипочку и штанах на три размера больше нужного.

– Ну что ты, дорогая? – с внезапной лаской произнес Лархар, выждав немного времени. Судя по наступившей паузе, слово «дорогая» Марделина ожидала услышать по отношению к себе в последнюю очередь. Даже после всех матерных определений женщины на языках перекрестий. Страстный скандр не стеснялся отпускать в адрес жены такие забористые комплименты, что однажды, заслышав очередной его многоэтажный пассаж, студентка-сальфийка упала в обморок. Потом Лархар уверял, что это был обморок от восторга и восхищения.

Когда к Марделине вернулся дар речи вместе с остальными дарами щедрой к скандрам природы, душещипательный диалог продолжился:

– Да, любимый?

– Солнышко! – воскликнул Лархар, словно только того и ждал. – Я просто забочусь о твоей фигуре. Делаю антицеллюлитный массаж!

Гробовая тишина у соседей ничего хорошего не предвещала. Публика на улице, которая только что шумно обсуждала очередное цирковое представление, затихла тоже. И в этом беззвучии прозвучал хлопок, потом еще один и еще.

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Подлый варвар! Вот тебе антислитный массаж! Я тебе ничего слитного не оставлю! Все будет раздельным!

– Это были мои любимые плавки-и-и! – крик Лархара напоминал вопль раненой антилопы.

Эти чудесные звуки заставили меня выбраться из кровати, побороть зевоту и накинуть халат.

Вархар уже вовсю орудовал на кухне, как делал каждое утро.

В приоткрытую дверь пахнуло яичницей с беконом и сладкой дынькой.

Раздался грохот распахиваемого окна, звон стекла, визжание тех, кто не успел отскочить на улице, и мимо нашего этажа пронеслись не совсем приспособленные для этого предметы. Возглавляли удивительный клин плавки Лархара с пушкой на самом интересном месте. Они гордо реяли впереди, а вдогонку спешили: три пары носков, почему-то все разного цвета, четыре пары штанов с прокушенными штанинами и две пары ботинок, исцарапанных так, словно они попались дикой кошке. И не просто так, а под ну очень горячую лапу. Последним покинул квартиру соседей очередной платяной шкаф. Он крутанулся в воздухе акробату на зависть, взмахнул дверцами, словно дирижер, и камнем ухнул вниз. А к нам в окно традиционно залетел тот самый предмет гардероба, который Марделина могла носить как белье, а я – только как две шапки сразу. Бюстгальтер просвистел мимо, и я решила – пронесло.

Но в эту минуту на всю комнату раздался крик Езенграса:

– Варха-ар!!!

Вся темная материя перекрестья, способная досуха высосать магию и даже жизнь, не доводила нашего бравого ректора до такого состояния.

Даже в прошлую пятницу, когда в его кабинет совершенно случайно залетел кусок академического автобуса, полыхая и постреливая дымом, Езенграс так не расстроился. Встал из-за обугленного стола, стряхнул с волос пепел и остатки огня и спокойно приказал секретарю:

– Выгляни в окно и запиши всех поименно! Отдам Мастгури, на опыты. Ишь, растренировались поутру! К дождю, наверное?

Студенты, чьими стараниями автобус покинул грешную землю и превратился в ракету, с визгом бросились прятаться в здании.

Но секретарша ректора, Зиферра Флю, объявила всех поименно. Правда, она немного заикалась после феерического полета на двери благодаря моему мужу, Вархару. Он не хуже Езенграса дрессировал вещи и наводил панику.

– Варха-ар!!!

Второй душераздирающий крик ректора заставил несколько пернатых птиц с паническим криком взмыть в небо и даже столкнуться друг с другом, как истребители на бреющем полете. По счастью, местная живность привыкла к таким происшествиям, и птицы разлетелись как ни в чем не бывало.

Я же обернулась к гостю, который, ничуть не стесняясь, уже возвышался посередине комнаты. Будто пришел не в нашу спальню – или, как называл ее Вархар, комнату интима и разврата, – а в свой личный кабинет или даже домой.

Езенграс замер, страшно выпучив глаза, и я сразу поняла почему. На голове ректора удобно устроился тот самый предмет гардероба Марделины, способный заменить чехол для танка. И вовсе не как шапочка, а как карнавальная маска, с бо-ольшими конусами на глазах.

Езенграс выпрямился, словно жердь проглотил, и еще раз гаркнул:

– Варха-ар!

– Ну и чего ты так разорался?! – возмутился мой муж, спокойно выходя из кухни. Я аж залюбовалась. Нет ничего прекрасней, чем громадный, мускулистый варвар с длинной белокурой косой и вишневыми глазами, одетый только в брюки и фартук. На самом интересном месте передника красовалась огромная аппликация меча с направленным вверх острием.

– Подумаешь! – фыркнул Вархар, оценив статую ректора в узкой белой футболке на богатырский торс, штанах на два размера больше нужного и бюстгальтере Марделины. – Тебе даже идет! Креативно так, я бы даже сказал – свежо неожиданно. Самое время ехать на карнавал в эту… счас… как ее… Обарзиллию!

В этот момент предмет белья сполз с лица ректора и упал ему на грудь, как огромное колье – находка дурного дизайнера.

Езенграс поморщился, и темно-оранжевые глаза его недобро сверкнули. Следом за ними сверкнула улыбка ректора, на зависть всем акулам и саблезубым тиграм.

Езенграс содрал с себя бюстгальтер и легким движением руки отправил его в окно… вместе… с нашей тумбочкой.

Как удалось предмету одежды ее зацепить, понятия не имею. Как тяжелая бронзированная тумбочка взмыла в воздух – тоже. Как бюстгальтер Марделины не порвался, таща за собой такую ношу, – мне уж совсем неясно.

Только одним предметом мебели в квартире стало меньше. Вархар подбоченился и возмутился:

– Ну и чего ты так расхулиганился? Может, там хранились мои любимые плавки?

Из окна посыпались вопли:

– А-а-а…

– О-ой!

И комментарии.

– А-а-а что такого? О-ой, да подумаешь! Этот шкаф тебе очень даже идет. А удар тумбочкой по голове вообще улучшает мелкую моторику и помогает взбодриться перед лекцией.

Первые реплики принадлежали, конечно же, преподам-сальфам, следующая – лектору с моей кафедры – скандру Мастгару Раттиферу. Этот огроподобный мужчина с лысым черепом и без двух передних зубов стал легендой Академии. Хотя бы потому, что ни одно происшествие без него не обходилось. Мастгар либо участвовал, либо присутствовал, либо приходил к самому концу веселья, чтобы добавить еще немного экстрима своим знаменитым посвистом. От него все вокруг падало, летало и кружилось, как во время урагана.

Сальфы не ответили. Возможно, их контузило тумбочкой. А может, окончательно лишил дара речи посвист Мастгара, после которого до нашего окна долетели щепки и ручки от мебели.

Внизу раздались два тихих стона и глухие звуки падения тел.

– И как эти сальфы вообще доживают до взрослого возраста? – на всю Академию удивился Мастгар.

– Думаю, это потому, что в их мире нет скандров, – хихикнула из квартиры над нами математичка-таллинка Вейзалитта. Женщина из расы гуманоидных растений с черной корой-кожей и волосами, похожими на тонкую серебристую проволоку. Такая удивительная шевелюра отличала всех таллинов без исключения. Не только чернокорых, но и белокорых, с корой-кожей цвета молочного шоколада и желтоватой, словно цветочный мед.

Судя по тому, что Мастгар присвистнул и ничего страшного не стряслось – Вейзалитта вовремя спряталась в квартире. Ах, нет! Истошное мяуканье разорвало тишину во дворе, и мимо нашего окна камнем ухнул бегекот – питомец верхней соседки. Он с такой скоростью полосовал когтями по воздуху, что раздавался тихий свист. И орал так, что все ближайшие коты подхватили нестройным мяуканьем.

Хрумц… Хрясть… Плюх…

– Разлетались тут коты! К дождю, наверное! – проворчал Суггурд Брело, еще один знаменитый скандр с моей кафедры физики. Не знаю как, но бегекот взмыл в воздух пушечным ядром и снова пролетел мимо нашего окна. Раздался скрип, хруст, звон и… наступила тишина.

Похоже, несмотря на лишний вес и полное отсутствие физической подготовки, бегекот на одном адреналине забрался назад, в свою квартиру.

А то, что оттуда вывалилось три горшка с цветами, Вейзалитта уже не заметила.

– Да что б тебе! – выругался Мастгар и прибавил еще несколько забористых ругательств, перемежая их с плевками.

– Да не переживай! Я слышал, в Зейлендии сейчас даже прическу назвали в честь твоего головного убора. Горшок ее назвали, – загоготал Суггурд. – А цветы можешь подарить Метанилле. М-м-м… у-у-у тьфу-у-у…

Судя по последним звукам, Мастгар шутки не оценил и подарил букет Суггурду, прямо в зубы. Стоило ли теперь удивляться, что некоторые скандры лишались зубов чаще, чем их отращивали в медицинском корпусе с помощью особенной энергии жизни.

– Вархар! Почему у вас не работает внутренняя связь? – возмутился Езенграс, когда толпа за окнами немного притихла. Огляделся и кивнул на обугленный кусок металла с редкими вкраплениями пластика, некогда похожий на допотопный телефон.

Вархар мазнул взглядом по остаткам техники, по мне и пожал плечами:

– Оле не понравилось, что ты позвонил месяц назад. Как вскочит ночью! Ка-ак долбанет аппарат молнией! Я боялся, до тебя долетит. Даже огнетушитель припас.

– А-а-а! – понимающе закивал Езенграс, и на лице его крупными буквами было написано: «Малитани, что с нее взять».

Малитани, или богиней Хаоса и Разрушений, прозвали меня крипсы – зеленые великаны-варвары из одного соседнего мира. Они дважды пытались прорваться на мою родину, Землю. Пленить женщин и превратить их в инкубаторы для своего потомства. Но мы отбили нападение, а я отличилась – засыпала десятки зеленых варваров огненным градом. Теперь, если верить слухам, крипсы затеяли опыты с клонированием.

Однажды я пошутила, что опасаюсь атаки зеленых клонов, но никто не понял. Только Слася – моя подруга, студентка из расы мрагулов – загоготала, да моя сестра Алиса захихикала.

– Короче, Вархар, – с места в карьер начал Езенграс. – У нас очередная Спартакиада Академий трех вузов перекрестий. Еще помнишь о такой?

Любимый пожал богатырскими плечами, прикрытыми лишь капельками пота, и коротко кивнул:

– Допустим.

– В общем, ты в составе делегации, – выпалил Езенграс и попятился.

Вархар замолотил руками по воздуху, как бешеная мельница, изрыгнул несколько ругательств на разных языках перекрестий и выплюнул:

– Я не хочу соревноваться с этими слизняками! В прошлый раз они проиграли нам даже в шахматы! Они же как дети! В конце концов, мне их жалко! Что ж я, изверг?

Езенграс даже икнул от удивления. Похоже, слово «жалко» из уст Вархара он ожидал услышать в последнюю очередь. Воинственные скандры не щадили даже мебель, даже двери! Что уж говорить о соседских студентах и преподавателях.

– М-м-м… Ну ты же помнишь, что проиграли они после сотрясения мозга? – осторожно возразил ректор. – Священник случайно огрел их борсеткой с камнями, но твердо пообещал, что это на удачу. А потом и Суггурд надел каждому шахматную доску на голову.

– Ой… да после таких мизерных ударов я бы даже не чихнул, – отмахнулся Вархар. – Симулянты чертовы! Ламар ведь предлагал им полное и безграничное исцеление?! Так нет же! Отказались.

Езенграс пожал плечами, а я подумала, что «слизняки» не такие уж и глупые, если отказались от услуг Доктора Шока.

– Короче! – в своей любимой безапелляционной манере рыкнул Езенграс, как делал всегда, когда Вархар упирался. – Ты едешь, и точка! И не переживай. Компания у вас на сей раз – что надо. Бурбурусс, его любимая жена Свангильда, супруги Зарзелази и братья Мастгури. Ну и увидишься с Гвендом. Если верить Зору, от одной мысли о встрече с тобой он закатывает глаза и едва ли не плачет от счастья.

И вот тут я начала жалеть внушателей и аннигиляторов из Академии Всего и Ничего. Пережить такое нашествие скандров, да еще лучших представителей расы, способен не всякий. Ректор Академии Внушения и Наваждения, таллин Зор, и один из ее проректоров – сальф Гвендолайн Эйр – с огромным трудом выдержали веселую компанию Вархара с Эйдигером. Правда, эта сладкая парочка раскрыла давний заговор в вотчине внушателей, спасла руководство от увольнения и помогла отразить атаку крипсов. Но… насколько я знаю, Зор потом еще несколько месяцев лечился у психолога, а Гвенд ходил к нему и по сей день.

Когда-то я и сама с огромным трудом вынесла знакомство с местными варварами. И то исключительно благодаря большой пачке валерьянки и сильному желанию исцелить сестру, Алису. После рождения ребенка от зеленого великана она сошла с ума. Крипсы накачивали живые инкубаторы своей энергией, а та разрушала организм и психику человеческих женщин. Одни умирали, другие теряли рассудок. И только безудержные варвары из Академии Войны и Мира сумели вернуть Алисе разум.

Зато многие другие сильно им рисковали, как только скандры появлялись поблизости.

Мне даже страшно было представить эту разудалую компанию. Описывать Вархара, братьев Мастгури, любителей безграничного исцеления током и шоком, и супругов Зарзелази смысла не имело. Любые слова блекли по сравнению с реальностью.

Бурбурусс Брабана одним чихом выбивал окна, а легким взмахом руки добрасывал самые нелетучие предметы до ближайших к перекрестью миров. Говорят, эти подарочки так и прозвали – «бурбурусски», и считали хорошей приметой. Получил по голове «бурбурусской» – переживешь любое нашествие, катастрофу, даже в апокалипсисе разве что слегка запыхаешься. Схлопотал по пятой точке – сможешь зачать богатыря. По ноге – тебе предстоит головокружительное в прямом смысле слова путешествие. Пристегни ремни и наслаждайся.

Помнится, президент одного из ближайших миров как раз собирался в отпуск на море, когда Бурбурусс и Свангильда «гоняли» во дворе Академии в футбол. Жена Генерала правил игры не знала, зато отлично отбивала «мячи», вместо которых Бурбурусс использовал булыжники примерно такого же размера.

И вот шел себе президент к машине с чемоданами, насвистывал, предвкушал. И – хрясть – машина вдребезги, на крыше дымится булыжник, а мотор возмущенно полыхает огнем. Дым коромыслом, копоть фонтаном, черепки краски веером…

Президент рассудил правильно. Да ну его, этот отпуск! Чего он не видел на море? Море еще тысячи лет останется на месте. А вот голова… руки, ноги… совсем другое дело…

После «бурбурусски» бедолага опасался худшего. Дружеской встречи с акулой, горячей – с корабельной лопастью, удара якорем по темечку. Президент вернулся домой, распаковал чемоданы и отправился на работу. А все отпускные пожертвовал местным детским домам и больницам. К нам в Академию неделями присылали вышитые цветами подушечки, открытки с сердечками-аппликациями и другие поделки счастливой ребятни. И на каждой гордо возвышался Бурбурусс, в своих традиционных лосинах и майке, едва прикрывавшей пупок. Он крутил на указательном пальце булыжник больше собственной головы и улыбался как мозазавр на охоте.

Если верить слухам, каждая демонстрация против действий правительства в том мире проходила под лозунгом: «Бурбурусски, вперед!» Демонстранты доставали плакаты с тем же рисунком, что и на детских открытках, только гораздо внушительней.

Вроде бы вскоре пособия и пенсии там превысили депутатскую зарплату. Средний класс наконец-то стал действительно средним, а не бедняками, которым чудом удавалось прокормить семью макаронами до конца месяца. Да что там средний класс! Даже количество мест в школах и детских садах внезапно сравнялось с числом ребятни! Чудеса, да и только!

Пока я мысленно представляла масштабы катастрофы для принимающей стороны, Вархар перестал молотить руками по воздуху и вытянулся, словно шест проглотил. Езенграс улыбнулся так, что за окном раздалось дикое мяуканье, а с веток ближайшего дерева с шумом и криками улетели птицы.

– Ты едешь! Как глава делегации с неограниченными полномочиями! – еще раз выкрикнул ректор. И с ближайших деревьев осыпались листья, а картина на стене, подаренная Сласей, покосилась и медленно поползла вниз, хотя висела, между прочим, на крючке!

Ничего удивительного! От клича воинственных скандров даже вещи прятались от греха подальше. И такая мелочь, как крючок или петля из толстой лески, вряд ли могли удержать их на месте.

Вархар набрал в грудь побольше воздуха, кажется, с твердым намерением протестовать дальше. Но Езенграс добил его последним, решающим аргументом:

– Вархар! Ну должен же ты подготовить наших к соревнованиям? Ну кто еще за это возьмется? Неужели ты хочешь, чтобы внушатели нас победили? В прошлый раз они почти сделали нас в гимнастике и легкой атлетике.

Мои брови медленно полезли на лоб вместе с глазами.

Я вообразила себе наших громил – студентов и преподов, которые садятся на шпагат и выписывают ногами сложные кренделя на бревне… Казалось, даже бронтозавры смотрелись бы в роли гимнастов намного убедительней.

Но в эту минуту Вархар улыбнулся, отмахнулся и изрек:

– Да не проиграли мы. Просто наш парень сломал брусья. На эмоциях, не выдержал накала состязаний. А под нашей гимнасткой – Азариной Лазатти – в щепки разбились четыре бревна. И нас уже хотели дисквалифицировать, когда Бурбурусс притащил из соседнего мира новые снаряды из какого-то суперпрочного металла. Вроде он оторвал кусок от космического корабля, согнул как надо на коленке – и подарил принимающей стороне.

– Мне особенно понравились портреты и слепки наших спортсменов на этом металле после неудачных трюков, – поддержал Вархара Езенграс. – На века останутся! Как статуи олимпийцам! И даже не голые…

– Ну-у-у! Тут уж кто как, – пожал плечами Вархар и закатил глаза, вспоминая. – Не все смогли надеть эти… как их… Леопарды? Ломбарды? Короче штуковины, которые врезаются в жо… – Скандр осекся, виновато покосился на меня и закончил: – В жесткие мышцы бедра… Короче, некоторые выступали голыми. Как раз как земные боги с холма Олимп. Только к ним не прилипали всякие дурацкие приправы. Откуда бы им взяться в спортивном зале? Это ж олимпийцы на природе состязались. Вот с деревьев на них и нападало всякой дряни. И прилипло к самым потным местам…

В том, что Эверест для Вархара – жалкий холмик, а Олимп и вовсе – детская горка, я ни секунды не сомневалась.

И молча восхищалась нашим хитромудрым ректором. Он опять нашел подход к моему упрямцу-мужу. Вархар уже ностальгировал, улыбался во все зубы и был совершенно не против пережить очередную Спартакиаду.

Теперь дело оставалось за малым – чтобы ее пережили делегации и спортсмены двух других Академий. Желательно без ущерба для здоровья и психики.

На этой чудесной ноте Езенграс сообщил:

– Вот и прекрасно! Выезжаете завтра утром!

И хотел уже отправиться восвояси, когда в окно прилетел новый предмет гардероба четы Зарзелази. Я даже не сразу поняла – что это.

Вначале подумалось, что это чудаковатый воздушный шарик. Вроде тех, что дарят детям на праздниках или продают за большие деньги родителям непосед.

Надутое ветром нечто напоминало трехконечную звезду темно-бордового цвета. Причем, на двух лучах звезды трепетали тонкие узкие ленточки, а на третьем – развевались две широкие, плотные. Предмет описал круг по комнате, будто прицеливался, мы привычно рассыпались по сторонам, и в дверь вбежало существо.

Существо, потому что «звезда» немедленно спикировала на гостью и наделась на ее голову так, что теперь напоминала маску зайца с бантиками на ушах.

– Бу… бу… ху… бу! Бу… ху! – возмутился наш новый утренний посетитель. Слов я не разобрала, но Сласю узнала сразу. За последние месяцы она очень похорошела. Наши совместные занятия йогой, маски и правильная одежда – юбки с разрезами, топики в облипочку – превратили невзрачную мрагулку в красотку-сердцеедку. Только сейчас главные ее достоинства спрятались под летучей звездой-шариком. Главные, поскольку предмет гардероба накрыл и шикарную грудь мрагулки.

– Бу… ху… бу… бу! – добавила Слася и для пущего эффекта рубанула рукой по воздуху. На бреющем полете ладонь мрагулки врезалась прямо в злополучную дверь спальни. Та покачнулась, нервно скрипнула, и я думала – все, рухнет, или, того хуже, разлетится на куски. Но под убийственным взглядом моего мужа дверь затихла и замерла как вкопанная.

Вархар подскочил к Сласе, ловко сдернул с нее тряпичный шлем и выбросил в окно.

Только теперь я сообразила, что же это. Я видела на Марделине этот комбинезон! Она бегала в нем по утрам. Вещица была настолько приметной, что даже странно, как я сразу ее не признала! Комбинезон с короткими шортиками на бантиках и шелковыми лентами вместо подтяжек! И он, похоже, безмерно обрадовался тому, что наконец-то познал свободу, и решил повеселиться на славу. После Сласи комбинезон накрыл двух котов. Зверушки сидели себе мирно на дереве и вдруг – такой внезапный подарок. Возмущенное мяуканье и скрежет когтей по ткани взорвали тишину во дворе.

Несколько полосок материи медленно закружили на ветру и залетели обратно, в окно четы Зарзелази, будто соскучились по хозяйке. И я уже ожидала очередного дикого вопля. Но вместо этого у соседей воцарилась подозрительная тишина, а потом Лархар сообщил на всю Академию, как и полагается у скандров:

– М-да! В таком виде мне твои шмотки нравятся гораздо больше! Вот это я и называю полуприкрытой наготой. Целлофан, ой, целлюлит прикрыт, а красоты открыты.

И я поняла, что тишина в квартире Зарзелази – явление временное. Правильней даже сказать – кратковременное.

– Ах, целлюли-ит! – взвизгнула Марделина, переходя на ультразвук, и стекла в окнах общежития подозрительно зазвенели.

– Взин-н-н… – раздался звук из соседней квартиры.

А следом истошный крик нашего географа, сальфа Флиссо Али.

– Это была моя любимая ваза!

– Извращенец! – рявкнул на него Лархар. – Любить надо женщин, а не вазы!

Сальф только всхлипнул – но так громко, что услышали в соседних корпусах.

Послышались возня, шуршание и спокойный ответ Лархара:

– Ну кто же так вяжет мужа? Никакой фантазии! Вот тут могла бы и бантик сделать. А тут хотя бы узелок покрасивей. А здесь вообще нужно сделать морской узел… А ту-ут… М-м-м…

– Кстати! – отвлекла наше внимание от страстных разборок соседей Слася. – Я тоже хочу на Спартакиаду. Я буду этой… гимнасткой с художествами. Я уже и булавы припасла! Ну, ты помнишь, Оля. У меня их три, еще от отца остались.

Я вспомнила тяжелые кованые булавы Сласи, какими иного внушателя и убить недолго. А мрагулка продолжила:

– Еще вот, смотрите, ленту взяла! – и она вытащила из кармана платья длинную кожаную плетку.

Теперь удивился даже Вархар. Да что там Вархар, даже Езенграса проняло!

Глаза ректора расширились, глаза моего мужа – тоже. Оба опасливо покосились на Сласю, потом на меня, и Вархар изрек:

– Надеюсь, зрители будут за решеткой. Как в цирке, когда тигры выступают.

Мрагулка обвела нас удивленным взглядом, пожала плечами и хмыкнула:

– В прошлый раз, насколько я слышала, решетка не спасла. Плана Люкс, из нашего, между прочим, поселка, выступала в чешках, и одна улетела…

– Я помню! – воскликнул Вархар. – Мы еще тогда объясняли, что крышу с башни аннигиляторов снесло метеоритом. И, по-моему, они поверили.

– Попробовали бы они не поверить, когда Плана крутила вторую чешку на пальце! – еще раз хмыкнула Слася. – Так я с вами поеду?

– Конечно! – неожиданно без боя согласился Езенграс. – Я запишу тебя в нашу сборную по художествам в гимнастике. Иначе ее и правда не назовешь. И Оля отправится тоже! – сообщил уже Вархару, который открыл рот и покосился на меня. – В качестве твоего личного помощника!

Любимый расплылся в такой улыбке, что стало ясно – этой фразе он придает особое значение. А уж когда Вархар еще и бровями подвигал, сомнений не осталось вовсе.

– В общем! Добровольцы-спортсмены уже записались в нашу армию… Тьфу ты, в сборную, в сборную. Вам надо только проверить их боеспособность… Ах, черт! Способность выступать в избранном виде спорта, – резюмировал Езенграс. – Завтра утром все соберутся в вашем дворе. Бурбурусс поможет вам сколотить войско… ой… команду-команду… и послезавтра поедете. Всем все понятно?

Я кивнула, Вархар отмахнулся, словно говорил – ну как мне, Вархару Изилади, может быть что-то неясно? Слася мотнула головой и от переизбытка чувств хлестнула плеткой по воздуху. «Чудо-лента» рассекла воздух с таким посвистом, что стекла общежития зазвенели снова.

– Хрум-м… – донесся из комнаты Флисо очередной звук бьющегося стекла.

– А это была моя любимая кружка, – обреченно вздохнул географ и добавил: – Ведь знал, куда еду работать! Надо было брать с собой только титановые вазы и посуду!

Езенграс крутанулся на пятках и удалился, не закрыв дверь в нашу с Вархаром спальню. Вначале я даже немного разозлилась. Но, заметив, что ректор установил на место входную дверь, почти успокоилась.

Глава 2
Военно-спортивные сборы и мрагулская настойка

Ольга

На сборы Вархара стоило полюбоваться хотя бы раз.

Скандр вытащил из шкафа свои знаменитые «походные чемоданы». В каждый легко поместились бы мы со Сласей, и даже осталось бы немного места для нашего с мужем кота, Лучика. Так назвала его я. Вархар сначала сопротивлялся, убеждал, что питомца засмеют даже тараканы.

Дескать, нормальный мужчина, даже если он кот, никогда в здравом уме не согласится на такую «милашескую» кличку. Но то ли Лучик имел свои представления о нормальности и мужчинах, то ли ему просто понравилось имя. Кот потерся о ногу моего любимого, помурлыкал – и скандр согласился.

После небрежного броска мужа чемоданы, окованные бронзовыми щитками, проехались по полу, притормозили и услужливо распахнулись. Казалось, даже мебель и вещи покорялись воинственным варварам без лишних слов.

Вархар двигался по комнате так быстро, что знаменитые вампиры с их сверхскоростями отстали бы еще на первом круге. Скандр вытаскивал ящики из шкафа и вытряхивал их в чемоданы, как и перед прошлой нашей командировкой к внушателям. Действовал он так ловко и четко, что вещи падали стопками, почти не перемешиваясь.

Я позволила Вархару упаковать и свои вещи тоже – все равно остановить его не удалось бы даже орде циклопов.

Лучик как раз вернулся с прогулки, разлегся у меня на коленях и подставил пушистое пузико. Я с удовольствием почесала полосатого звереныша, а он ответил умильным фырчанием.

Когда Вархар закончил и окинул довольным взглядом плоды трудов своих, дрессированные чемоданы вздрогнули, а крышки упали.

– Теперь проверим боеспособность наших спортсменов! – бодро заявил муж. – Надеюсь, Бурбурусс уже ждет.

Скандры то ли общались телепатически, то ли настолько хорошо друг друга знали, что им и договариваться-то не требовалось. Когда мы вышли в академический двор, Бурбурусс Брабана собственной персоной уже ждал возле дверей. Его правый темно-карий глаз лучился поистине мальчишеским задором. Вместо левого, как обычно, сидела пиратская повязка, и всякий раз я вспоминала, что именно Свангильда в порыве страсти выбила мужу глаз. Когда Вархар рассказывал, что супруги заметили пропажу только после четырех оргазмов у каждого, я думала – он шутит. Но затем страстная скандрина, жена Бурбурусса, подтвердила историю – слово в слово.

И даже попыталась научить меня парочке приемов, которые, по словам Свангильды, «невероятно усиливают удовольствие от секса». От невероятных усилителей в постели с Вархаром я решила все-таки отказаться. Хотя отчетливо понимала – для скандров схватка и секс порой почти одно и то же. К тому же, мы с мужем предпочитали нежность и страсть азарту и драйву. Или Вархар подстраивался под меня, как случалось нередко. Кто бы мог подумать, что дикий варвар, бретер и хвастун, каких свет не видывал, станет самым внимательным и нежным супругом. Я сама не уставала удивляться и радоваться своему счастью.

Утро окрасило розоватое здание Академии, похожее на средневековую рыцарскую крепость, в оранжевые тона. Стройные шеренги квадратных кустарников пахли свежестриженной зеленью. Садовники расстарались на славу. Еще бы! Вархар муштровал их похлеще генерала на плацу.

Мощенные серыми булыжниками дорожки и пятачки возле корпусов уже нагрелись от перекрестного солнца, не менее доброго, чем здешние обитатели.

Из садиков с косматыми деревцами и кустарниками, даже не усыпанными, скорее, облепленными цветами, тянуло медовым нектаром и росой.

Возле корпуса столпились местные спортсмены. Громадная площадка переполнилась в мгновение ока. Вновь прибывшие пристраивались к стройным рядам наших богатырей на дорожках. А когда и там мест не осталось, вставали прямо на газоны, и казалось, рядом с пышными кустами выросли громадные дубы.

Зрелище впечатляло и очень напоминало ополчение каменных троллей.

Некоторые пришли со своим «инвентарем». Пушечные ядра, диски размером с иную летающую тарелку, ружья, из которых даже мамонта завалить нетрудно, мелькали то тут, то там. Одного взгляда на эти «спортивные снаряды» хватало, чтобы пожалеть принимающую сторону.

Вархар и Бурбурусс вызывали «новобранцев», как выразился Генерал, и спрашивали – на что те способны. Некоторых даже просили показать, другие не дожидались – демонстрировали недюжинные таланты сами. В таких случаях, следовало бы кричать: «Спасайся, кто может!» Но вместо этого дружная компания «новобранцев» скандировала: «Да-вай! Да-вай! Да-вай!»

И от этого спортсмены старались больше прежнего.

Громадный парень-скандр, вдвое шире Вархара в плечах, на оклик моего мужа выпрыгнул из толпы, плюхнулся на лужайку и… поплыл. Он действительно плыл прямо на суше, да еще так быстро, как не всякий атлет бежит олимпийскую дистанцию. За спортсменом тянулся широкий след вмятой в землю травы и поломанного в щепки кустарника. Сильно запахло зеленью.

Генерал остановил парня окликом «То-ормози!» только минуты через три, когда тот благополучно «проплыл» четыре газона.

Мрагул, чья штанга больше напоминала каким-то чудом оторванную автомобильную ось с колесами, вышел вперед, гордо поигрывая снарядом. Я думала, он опустит штангу на землю и будет ее поднимать. Что казалось очень странным. «Новобранец» держал увесистую штуковину одной рукой и даже перекатывал ее между пальцев, как трость.

Вместо этого он подпрыгнул, сел на шпагат и лихо подбросил штангу в воздух. Та пронеслась над самыми головами «ополченцев», но ребята и бровями не повели. Штанга сделала круг почета и была поймана хозяином прямо во время сальто. Парень опустился на землю, бросил «снаряд» и покатился на нем, ловко перебирая ногами. Затем ускорился, дернул стопами – и штанга снова взвилась в воздух, устремилась куда-то очень далеко.

– Да черти вас забери! – послышалось рычание Езенграса. – Я только установил новый стол и нанял новую секретаршу! Прежняя так заикалась, что посетители часами не могли понять – на месте я или ушел. И опаздывали на занятия. Хотя… новая еще сгодится. Лети, Мардифа! Лети!

При этих словах ректора его новая секретарша – таллинка с серебристыми волосами – вылетела из окна, крепко держась за штангу.

За это время неутомимый владелец снаряда успел выполнить еще много удивительных трюков. Он напрыгал с двадцать сальто, ловко перемахивая через все наше «ополчение». А если не хватало высоты – отталкивался прямо от плеч и груди других спортсменов, и взмывал в воздух вместе с частями их одежды. Четырежды незабываемый штангист сел на шпагат на чужих плечах, игнорируя возмущение их владельцев. Дважды выполнил «канат» на газоне и

еще дважды на кустах. Кусты с хрустом осели и выбросили в воздух пестрый фейерверк цветов, засыпав «новобранцев» с ног до головы. Казалось, они не на Спартакиаду собрались, а погулять на индийской свадьбе. Ребята брезгливо стряхивали цветы, словно ничего хуже на них и упасть не могло. Уж лучше все та же штанга, ядро, на худой конец, диск.

– Да ла-адно вам! – усмехнулся Бурбурусс, вытаскивая цветок из уха. – Олимпийцам вообще надевали на голову приправы! Да-да! Короны из приправ! И делали это, дабы проверить их моральную устойчивость к бабским украшениям. Кто заплакал – тот и баба.

Тем временем невозмутимый «штангист» встал и понесся дальше. После очередной серии чудо-сальто на многих ополченцах остались только нижние части гардероба. И те, изрядно потрепанные, зачастую висели на соплях – на нитках или ремнях.

Все остальное болталось в руках «штангиста», как флаги. Парень шустро приземлился, поймал «снаряд», стряхнул с него Мардифу и гордо выпрямился.

Ненадолго вокруг поплыла удивленная тишина. Даже Вархар с Бурбуруссом только сглатывали и моргали.

Наконец, любимый нашелся первым:

– И что это был за вид спорта?

– Художества в тяжелой атлетике! – отрапортовал «штангист». – А что, разве с таким снарядом нельзя?

– М-м-м… Ты сейчас про чужую одежду или штангу? – не выдержала я, и толпа спортсменов взорвалась хохотом. Я давно привыкла к тому, что любые выражения эмоций студентов и сотрудников Академии заканчивались для меня легкой контузией и недолгой глухотой. Поэтому удар по барабанным перепонкам восприняла стоически. В отличие от новенькой – Мардифы. Говорят, она недавно прибыла к нам и еще не до конца хлебнула специфики вуза. Таллинка бешено моргала, усиленно прочищала уши и смотрела на художника по тяжелой атлетике с нескрываемым ужасом.

– А мне нравится! – гаркнул Бурбурусс. – Подорвем их одежду к чертям! Тьфу ты! Надежду, надежду на победу!

– И командный дух! – подсказал художник по тяжелой атлетике. – Подорвем.

– Дух будет тот еще, – проворчала Мардифа, морща нос. – Когда перед тобой машут такими потными тряпками… весь командный дух попадает в воздух…

Вархар пожал плечами, Генерал хмыкнул, а штангист произнес:

– Дык… Так и должно быть. Нет разве? Сколько себя помню, все время слышал про важность поддержания спортивного духа на состязаниях.

Дальше все пошло не менее весело.

Я только успевала следить за демонстрацией силы и мужества наших студентов, независимо от пола.

Диски облетали вокруг Академии и возвращались к хозяевам как бумеранги, перед этим срубив несколько деревьев. Ядра не возвращались, приземляясь чаще всего на крышу или на чью-то бедовую голову. Местным эта незначительная неприятность доставляла не больше проблем, чем чукчам легкий снегопад. Они стряхивали спортивный инвентарь, пожимали плечами и шли себе дальше. По крайней мере, скандры с мрагулами. Двое истлов, которых ядро лишь слегка зацепило за плечи, шарахнулись в стороны, оглянулись, заметили «новобранцев» и понимающе закивали.

Сальфы на улице не показывались. Насколько я поняла, благоразумно решили воздержаться от променадов на свежем воздухе и передвигались лишь по переходам между корпусами. Таллины тоже.

Исключая, конечно же, тех, кто решил поучаствовать в Спартакиаде в качестве «новобранцев». Слов «спортсмен», «атлет» в обиходе Генерала не было вовсе, а Вархар окликал студентов не иначе как «Эй, ты!».

Выбирали Бурбурусс и Вархар молниеносно и по одним им понятным критериям.

– Годен! Не годен! Годен! Не годен!.. – разносилось по всей Академии.

Кто-то мог подумать, что это не проверка спортивных достижений, не набор в команду по Спартакиаде, а очень странное гадание. Зато очередь быстро рассасывалась.

Не прошло и часа, как перед нами выстроилась всего-навсего толпа, а не хвостатая армия варваров, захватившая почти все окрестные дорожки и газоны.

Вархар вызвал одну из скандрин, и я поняла, что еще не все повидала, несмотря на многие месяцы преподавания в Академии.

Вместо одной девушки к нам подошли семеро. Все, как одна, сложенные как древнегреческие боги, вот именно боги, а не богини, и одетые почти так же. В крохотные шортики и то ли бюстгальтеры, то ли топики. Скандрины выстроились в шеренгу напротив Вархара и Бурбурусса и застыли как вкопанные.

Любимый не растерялся – вскинул бровь и спросил:

– Какой вид спорта?

– Прыжки с шестой! – отрапортовала та самая скандрина, которую он вызвал.

Генерал оторвался от созерцания «команды по фигурному плаванию». Мрагулки выстроились в ряд в купальниках, больше похожих на мини-бикини, крутили внушительными ягодицами и по-цыгански трясли грудью.

– Вот вам фигуры! – объявила одна. – А плавать мы не умеем!

Бурбурусс даже не хохотнул, пожал плечами, окинул «фигуры» еще раз и кивнул:

– Научим! Годны! Прыжки с чем? – уточнил он у шеренги из семи скандрин.

– С шестой! – выпалила все та же девушка.

Схватила последнюю скандрину из ряда, замахнулась, поставила ее на ноги, словно шест, прыгнула и полетела…

Вархар успел только сказать: «Ой». Бурбурусс втянул щеки.

Из кабинета ректора на весь вуз разнеслось:

– Да что же такое-то! Это седьмой за сегодня стол! И вторая секретарша! В конце-то концов! В Академии тысячи окон! Чего вам у меня, медом намазано?

В окно голубем вылетела прыгунья с шестой на обломках стола, словно на диковинном летучем плоту. Пронеслась над нашими головами и смачно врезалась в дерево. Ствол, толщиной с академическую башню, покачнулся и начал заваливаться на площадку, где выстроилась сборная.

Генерал подскочил с одной стороны, Вархар с другой, самые высокие «бойцы» выбросили вверх руки, и дерево мягко на них улеглось.

– А это будет талисманом нашей команды! – гордо объявил Вархар, подбрасывая многометровое дерево в воздух как большую пуховую подушку.

– Я не эта! Я Тралва Яскилади! – возмутилась откуда-то из кроны «прыгунья с шестой».

И я отчетливо поняла, что не только гимнастика и тяжелая атлетика у нас с художествами, но и все виды спорта.

В этот момент что-то очень быстрое и невысокое вихрем пронеслось мимо и притормозило, только когда на всех парах врезалось в сборную. Команда возмущенно загалдела, и мне показалось, что это стадо слонов продирается сквозь чащу. Если сотни скандров, мрагулов и несколько истлов с таллинами начинают орать во все луженые глотки, не всякий способен сохранить слух или хотя бы здравый рассудок.

Когда сверхскоростное нечто остановилось, все ахнули. Даже я. И только Вархар с Генералом молча опустили глаза на десяток леплеров, что притормозили неподалеку от них. Парни, с гладкими, немного женственными лицами, длинными косами и телами брутальных мачо просто сияли. Во всех смыслах слова. Улыбками, одеждой и ремнями. Леплеры нарядились как обычно – в рубашки и брюки всех цветов радуги, но непременно беспощадно ярких. Узоры

на одежде, конечно же, не сочетались по цвету с самой одеждой. А ремни и пряжки сверкали почище иной новогодней гирлянды. Ах да! На высоких ботинках леплеров блестела россыпь клепок и переливалась перламутром.

Вархар проморгался, Генерал тоже, команда повторила за ними. А самый светлокожий леплер вдруг вытащил из кармана предмет, очень похожий на увесистый пистолет. Не дожидаясь нашего разрешения, парень выбросил руку вперед и… выстрелил… очередью из кнопок. Они просвистели над головами четырех незадачливых сальфов в белоснежных шелковых рубашках. Парни дружно рухнули на дорожку, а встали в рубашках грязно-зеленого цвета – потому что пловцы из нашей команды, один за другим демонстрируя умение, оставляли на булыжниках травяную кашицу с примесью грунта.

Сальфы посмотрели на рубашки, на сборную, всхлипнули и разбежались в разные стороны.

Тем временем кнопки врезались в корпус, срикошетили и полетели обратно.

– Лови! – скомандовал друзьям леплер с пистолетом.

Остальные спортсмены бросились врассыпную, а леплеры невозмутимо подняли руки и… поймали все кнопки до единой.

– А вы какой вид спорта представляете? – осторожно поинтересовался Генерал, выковыривая кнопку из лосин в центре ягодицы. Когда скандры оставались невредимыми даже после таких происшествий, я начинала еще больше уважать их женщин. Все-таки та же Свангильда не только выбила мужу глаз, но и, по слухам, время от времени ставила ему синяки и даже гематомы! Совершала то, что не под силу кнопке, размером со спичечный коробок!

– Этот, как его? Ну, где бегают и стреляют… – нахмурился леплер с пистолетом, пытаясь вспомнить столь сложное для местных название.

Вархар уже было открыл рот, чтобы прервать его мучения. На лице парня отразилось такое напряжение, что казалось, он несет бегемота на соседнее перекрестье. Но в эту минуту другой леплер – смуглый, с белесым шрамом по всей длине носа – ткнул пальцем в небо и выпалил:

– Триаслон! Ой… Тритон и слон?

Вархар посмотрел на Генерала, Генерал на Вархара, и оба заявили:

– Мы вас берем! Не победим, так развлечемся!

Боюсь, этот лозунг и довел аннигиляторов до успокоительных, психолога и фигурных прыжков из окна, совершенно не предусмотренных регламентом Спартакиады.

* * *

Для нашей «сборной-армии» пригнали громадный автобус. Вначале я подумала, что это поезд, – такой длины оказался транспорт.

Да и темно-травяной цвет и десять вагонов размером с три обычных каждый говорили сами за себя. Но в кабину водителя залез наш старый знакомый – шофер, похожий на робота-кавказца. Смуглый, носатый, черноглазый, с коротким ершиком темных волос, он почти не жестикулировал. На лице водителя привычно застыла непроницаемая маска, но меня разобрал смех.

Вспомнилось, как он рассказывал, что моется исключительно раз в неделю и только по особым дням, и захотелось снова брызнуть в шофера водой.

Сборная ломанулась в поезд так, что мне стало страшно за окна – некоторые «новобранцы», не дожидаясь своей очереди, лезли прямо в них.

Транспорт закачался, как лодка в штормовом океане, а потом и вовсе заходил ходуном.

Последней проверкой автобуса на прочность стала наша команда по синхронному плаванию.

Двадцать скандрин богатырского телосложения умудрились сбить с ног половину команды еще во время страстной попытки продемонстрировать собственные таланты. Нам пришлось даже идти в бассейн. «Плавать» на газонах девушки отказались категорически, невзирая на уговоры Вархара, Генерала и остальных «новобранцев». И вскоре стало ясно почему.

Даже скандры с мрагулами падали от синхронных ударов в челюсть, когда спортсменки выскакивали из воды стройной шеренгой и единым движением выбрасывали руки-ноги. Несмотря на это незначительное неудобство, шишки, синяки и выбитые зубы, к бассейну стекались студенты и преподы. Страждущие толкались и ругались, стремясь поглазеть на невиданное зрелище. Синхронные каратистки ракетами взмывали в воздух, лупили всех, кто попадался, и входили в воду так, что всех остальных накрывала мощная волна.

С десяток чернокорых и белокорых таллинов смыло напрочь, даром что почти все маги этой расы управляют именно водой. Они попытались оседлать стихию, повернуть ее вспять, но ошиблись с направлением энергии, и образовалось настоящее цунами.

Потоп ворвался в главный корпус и устремился по лестнице туда, куда устремлялось все в Академии. В кабинет ректора.

Конечно же, Мардифа стала жертвой цунами и снова покинула рабочее место не на своих ногах и не через дверь. Но самое удивительное не то, что секретарша вылетела из окна на водяном гребне, а то, что приземлилась она аккуратно на дерево-талисман нашей сборной.

Когда команда по синхронному плаванию бросилась «нырять» в окна своего «вагона», бронзовые рамы покосились и повисли на одной петле. А все, кто шел поблизости, получили контрольные удары ногами в глаз. Как умудрялись пловчихи, не глядя, неизменно ставить окружающим фингалы, оставалось неясным.

Вархар и Генерал маршировали впереди нашей преподской делегации, гордо неся дерево над головами. В ветвях свернулся клубочком Лучик, а на сучках болтались наши чемоданы.

По самому центру ствола растянулась Мардифа, грустно обняла дерево руками и повторяла, как заклинание: «Я хочу домой… Когда пришла сюда работать, не думала головой… Я хочу домой… Когда пришла сюда работать, не думала головой… Я хочу домой…»

Наверное, скандры приняли ее причитания за гимн сборной, потому что между фразами Генерал повторял: «Тыц-тыц», а Вархар хлопал в ладоши.

Как он умудрялся это делать, продолжая нести дерево, оставалось загадкой. Впрочем, я давно поняла – скандры не умели только летать, и то активно над этим работали. Правда, почему-то гораздо чаще они заставляли летать окружающих…

Мы со Сласей вышагивали вслед за мужчинами впереди могучей белокурой четы Зарзелази. Издалека не всякий понял бы – где муж, а где жена. Но вблизи внушительный бюст Марделины сразу расставлял все по местам. А улыбка Лархара, саблезубому тигру на зависть, не оставляла уже никаких сомнений.

Замыкали шествие Эйдигер с Ламаром. Без обычных своих халатов и шапочек, но с бешено вращающимися голубыми глазами – фишкой врачебной династии Мастгури. Эйдигер почесывал затылок любимым скальпелем, а Ламар поигрывал щипцами размером почти с него самого. Как только знаменитые доктора Мастгури приблизились к поезду, «новобранцы» рванули внутрь еще активней, еще бодрее. Несколько спортсменов застряли в окнах, да так там и повисли.

– Ничего-ничего, – подбодрил кого-то из них долговязый истл с почти белой гривой. – Зато шторки на место ставить не надо. А подкормить мы вас, конечно же, подкормим. Главное вовремя убирайте ноги, когда автобус едет мимо деревьев. Все-таки надо жалеть природу, деревья же не виноваты…

Кому-то могло показаться странным или даже непонятным, что белогривый истл жалел не товарищей по команде, а растения. Но все, кто познакомился со спецификой наших студен-

тов и преподов, твердо уяснили – чтобы повредить их всерьез, нужны не деревья. Как минимум металлические столбы такой толщины, чтобы и десять варваров не обхватили.

Внутри автобус еще больше напоминал поезд, чем снаружи. Пассажиры размещались не на привычных креслах, а в отдельных купе, рассчитанных на двоих-троих существ. И там все было чин по чину – полки для сна, столик, шторки на окнах.

И вот мы уже почти тронулись, автобус дернулся с места, и вдруг раздался грохот, звон и треск. Я выглянула в наше с Вархаром окно и не сдержалась – расхохоталась от всей души. На смотре «новобранцев» мне еще удавалось сохранять видимость серьезности, сдерживать смех, но сейчас прорвало.

Даже слезы брызнули из глаз.

Два окна, что были позади нашего, остались на мостовой в виде россыпи мелких осколков. Между ними в двери пробивалось нечто…

Четверо студентов-леплеров, конечно же, одетых так, что глаза срочно запросили солнечные очки, пытались втащить в автобус… нечто вроде нескольких мини-джипов.

Сложенные один на другой агрегаты очень их напоминали, отличаясь лишь отсутствием крыши и одного колеса. Зато три остальных у каждой машины были размером с иной джип.

Естественно, массивные штуковины застряли в дверях. Я даже удивилась, что они вообще частично влезли в автобус. Помогли только двадцатиметровые – если верить Вархару – потолки и двери шириной не меньше шести метров.

Леплеры суетились, пихая трехколесные машины и так и сяк, и уже успели погнуть автобус и выбить три окна. И что-то подсказывало – этим их подвиги не ограничились бы, если бы из поезда не вышел Генерал вместе с Лархаром.

На серой футболке Зарзелази, на самой груди, болтались три выдранных с мясом куска ткани, прическа выглядела так, будто ему на голову спрыгнуло несколько перепуганных кошек. Под глазом Лархара расплывался большой, синий фингал, другой наливался на скуле. Но на грубо высеченном лице сверкала такая улыбка, что любой тираннозавр умер бы от сердечного приступа при первом же взгляде.

– Опробовали с женой вагонные койки? – вскинул бровь Генерал.

Лархар с гордостью кивнул.

– Хлипкие постели, кстати, – и стряхнул с плеча несколько щепок, величиной с палец каждая.

– Ну и что это? – уточнил Бурбурусс у леплеров, которые продолжали заниматься своим делом, не обращая на разрушения ни малейшего внимания.

– Мы участвуем в велогонках! К смотру не успели, но Езенграс сказал, можно ехать с вами! – отозвался очень смуглый леплер в пурпурной бандане, украшенной сотнями блесток-звездочек и стразов.

– В чем, в чем? – уточнил Лархар, и с лица его стерлась сладкая улыбка, навеянная воспоминаниями о том, как вместе с супругой разрушил вагон и разодрал одежду.

– А где велосипеды? – удивился Генерал, и вдруг его осенило. – Только не говорите, что это…

Леплеры замотали головами так дружно и синхронно, что я бы взяла их выступать хотя бы в этом виде спорта.

– Та не-е! – ответил все тот же парень. – Это для наших тренеров, чтобы успевали следить за тренировками. Надоело ждать их по полчаса на финише.

– Тогда где же велосипеды? – вторил Генералу Лархар.

Леплеры вывернули карманы, вытащив оттуда по миниатюрной модельке велосипеда каждый.

Бурбурусс посмотрел на Лархара, Лархар на Бурбурусса, и оба вновь повернулись к «новобранцам».

– И как вы на них поедете? – осторожно уточнил Зарзелази. Похоже, теперь он мог ожидать от леплеров любого сюрприза. Даже езды на модельках не больше спичечного коробка размером.

– А зачем нам на них ездить? Езенграс сказал – нужны бойцы для марафона с велосипедами. Ну, мы марафон бежим, как звери, велосипеды прихватили.

– А-а-а! – понимающе закивал Генерал. – Да-да, помню, в прошлый раз был у нас бегун с лыжами. Вы молодцы, что маленькие велосипеды взяли. В прошлый раз наш спортсмен сбил с ног зрителей, судей, срубил несколько деревьев и разрушил чей-то дом, прежде чем добрался до финиша.

– Это был я! – бодро воскликнул один из леплеров с непропорционально большими ручищами. – Но меня почему-то дисквалифицировали сразу после победы. Приходится вместо бега с лыжами осваивать новый вид спорта.

Лархар и Бурбурусс переглянулись еще раз, автобус жалобно скрипнул, словно взывал к их помощи. Наверное, понял, что к благоразумию леплеров взывать уже бессмысленно.

Генерал подхватил автомобильную гору с одной стороны, Зарзелази с другой. Высоченные скандры сняли машины с плеч леплеров на раз и закинули на крышу автобуса.

Крыша просела, в вагонах кто-то ойкнул. Кто-то другой заковыристо выругался, упомянув пеньков леплеров и несколько поколений их родственников в одном предложении. «Велосипедисты» ответили нестройным хором, да так, что остаток стекол осыпался из покореженных рам.

Бурбурусс посмотрел на изрядно помятый недопоезд, повернулся к Лархару и философски изрек:

– Ничего! Зато когда они это увидят… поймут, что с нами шутки плохи.

– И соревнования тоже! – подхватил Зарзелази.

Вархар распахнул наше окно, высунулся наружу и крикнул:

– Вы все неверно говорите! Они поймут, что соревнования будут нешуточными! О как!

«Да-а-а. Какие уж тут шутки, с таким-то ополчением» – подумалось мне.

Алиса

Что б я еще хоть раз в жизни, хоть в жизни раз поверила Сласе, что традиционный мрагулский напиток – мортвейн – почти безалкогольный…

Да никогда! Даже под пытками!

Всегда стоило помнить: что для мрагула сок, для человека, пусть даже индиго вроде меня – смерть от алкогольного отравления!

Вчера вечером Слася заявилась ко мне в гости с длинной прозрачной бутылью, похожей на винную. Внутри плескалась странная вязкая жидкость, неприятного болотного цвета.

– Я пришла отметить нашу победу на Спартакиаде трех вузов перекрестий! – гордо заявила мрагулка и поставила бутыль на стол с таким звоном, что я испугалась – не разлетится ли она на мелкие осколки. Но варварские стекла, похоже, прочностью не уступали титану. Бутыль осталась целехонька – ни малейшей трещины, ни единого скола. Лишь стол немного покачался и решил-таки устоять.

Пока я мучительно соображала, когда же наши успели победить, если Спартакиада начинается только через несколько дней, Слася уже сервировала стол.

Невесть откуда появилось блюдо с тремя прожаренными бургузьими бедрами. Это такой зверь из мира скандров, размером, наверное, с большую собаку, и с очень жестким мясом. Если не хочешь лишиться пары зубов и выращивать их в медкорпусе у знаменитого Доктора Шока, лучше бургуза даже не пробовать. На долгие уговоры скандров и мрагулов – утверждать, что

совершенно не голодна. А желудок урчит исключительно потому, что планирует записаться в хор имени Пятницкого. Да-да. Есть же чревовещание? Почему не может быть чревопения?

Рядом с традиционными бургузьими ляжками, как выражалась моя сестра Оля, материализовались на столе два высоких граненых бокала.

Слася налила туда «болотной воды», устроилась за столом и зазывно похлопала по стулу рядом с собой.

Я присела, взяла бокал и принюхалась. Напиток пах крыжовником и немного чем-то ядреным. Вот тут мне следовало смекнуть, что я же на Перекрестье миров. И не обязательно алкоголь тут воняет спиртом. Но Слася уверенно осушила бокал, налила себе второй и заявила:

– Да ладно тебе! Это мортвейн, он почти безалкогольный. В йогурте и то градусов больше. Пей же! Неужели ты не хочешь выпить за победу нашей сборной?

И вот тут я отвлеклась от главного вопроса вечера – почему название «почти безалкогольного» мортвейна начинается со слова «мор».

К несчастью, вопрос о временном парадоксе озадачил меня сильнее, и я уточнила:

– А разве Спартакиада уже закончилась? Я думала, она еще не начиналась…

Слася округлила глаза, пожала богатырскими плечами и рубанула рукой по воздуху – так мясник с одного маха разделывает тушку животного.

– Ты сомневаешься, что мы выиграем? – поразилась мрагулка так, что у меня штукатурка осыпалась с потолка и нервно задребезжали окна. – Как ты можешь в нас сомневаться?!

От последнего возгласа Сласи трубы в ванной загудели как больные кашалоты. И я решила от греха подальше согласиться. Пока все общежитие не пало невинной жертвой удивления страстной мрагулки. Не пало в прямом смысле слова, безо всяких там метафор. Даже странно, что местные здания простояли столько лет…

– Конечно же, не сомневаюсь… Но…

Я собиралась возразить, что как-то странно и даже необычно пить за победу нашей сборной, которая еще не собрана и не одобрена ответственными проректорами. Но Слася подтолкнула к моему лицу бокал так, что едва не выбила несколько зубов. После звона бокала о мою несчастную челюсть стало ясно – лучше выпить. Иначе точно закончу в медицинском корпусе Доктора Шока.

Кто ж знал, что знаменательной встречи с братьями Мастгури, причем с обоими сразу, мне уже не избежать! Судьба… ничего не попишешь…

Я осушила бокал залпом… и… вдруг поняла, что такое «белочка». Никогда раньше я не напивалась даже до легкого опьянения. Теперь же накрыло так, что я пошатнулась, хотя сидела на стуле, и опрокинулась вместе с ним на пол. Похоже, даже мебель не выдерживала мрагулского пойла и от одного его запаха падала навзничь.

Передо мной заплясали зеленые белочки… Веселые такие, шебутные. Они прыгали по телу, по стенам, по окнам. Зависали на потолке – вверх ногами, как летучие мыши, – и почему-то продолжали удивляться голосом Сласи:

– Да ты чего? Тут же градусов – ноль без палочки? Алиса? Ау? Где ты? Да очнись же! Алиса?..

Белочки приступили к танцу маленьких лебедей, а потом, видимо, на бис, перешли на канкан. В голове помутилось, перед глазами почернело, и я начала уплывать куда-то…

Последним воспоминанием стали причитания Сласи:

– Алиса-а-а… Если ты не очнешься, Ольга зажарит меня на вертеле, как бургуза-а-а… Или отдаст Вархару… Или самому Доктору Шоку-у-у! У-у-у! Алиса-а-а… Не поступай так с подругой… Пожа-алуйста…

Но мой организм категорически отказался внять мольбам мрагулки. То ли обиделся на убийственный мортвейн, то ли опасался, что если очнется, его могут подвергнуть очередному варварству. Вроде насильственного вливания нового стакана «болотной воды»… Мало ли…

Вязкая чернота залила весь мир, запахи и звуки исчезли, и я окончательно отключилась.

…А очнулась даже не от вопля, скорее от завываний Сласи – всем волкам перекрестья на зависть.

– Ну Эйдиге-ер! Дорогой! Несравненный! Великолепный Эйдигерушка! Ну пожа-алуйста! Приведи ее в чувство! Иначе Оля сделает мне как его там… Санаторий… мараторий… ой… каракум…

– Харахирий? – неожиданно вкрадчиво подсказал низкий, бархатистый голос Эйдигера.

– Мгу! – простонала Слася.

– Не переживай! – утешил мрагулку Ламар. – Харахирий воины делали себе сами. Ну, у них там было принято дарить военачальникам все самое ценное. Некоторые наивно полагали, что это их внутренности… А то, что у военачальника своих кишок несколько метров, бедолаги и не догадывались. Сказывалось отсутствие образования. А из тебя наша Малитани сделает шашлык…

– Ну пожа-алуйста! Помоги-ите! – снова запричитала Слася.

– Поможем-поможем! Не психуй! – отозвался Ламар. – Ща! Вкачаем ей немного электротока…

Слася икнула и взвизгнула.

– Энергии жизни вкачаем! Спокойно! – утешил ее Эйдигер. – Брат просто теперь все так называет.

– Ага-а! – довольным голосом отозвался младший Мастгури. – Ибо мой личный богатейший врачебный опыт показывает – нет ничего более живительного, чем удар электротока в глубокой тиши, ночью, из-за угла. Мертвый встанет!

Я мысленно простилась с жизнью. Даром что происходило все вовсе не в «глубокой тиши» – Мастгури и Слася голосили так, что уши периодически закладывало. Даром что дело было даже не ночью – сквозь свинцовые веки пробивался яркий свет. И я вроде как еще не умерла. Хотя после мортвейна это скорее удивляло, чем радовало.

В горле словно скреблись десятки мартовских кошек, голова гудела как чугунный котел, по которому кто-то беспрестанно колотил палицей. Белочки продолжали упорно скакать в поле зрения, хотя я и глаз-то не открывала.

Правда, теперь вместо канкана они начали извиваться в бути-дансе, и мохнатые ягодицы замелькали перед моими глазами. Да-а-а. К некоторым этим местом поворачивается жизнь, а к некоторым – смертельное похмелье.

Но вдруг все исчезло – сразу и навсегда. Тело стало легким, исчезла ломота в мышцах, откуда ни возьмись появились бодрость и силы. Белочки исчезли, напоследок махнув хвостами.

Я наскребла остатки мужества, разлепила тяжелые веки и обнаружила себя в вагоне поезда.

– Привет! – бодро поздоровался Эйдигер, просияв такой улыбкой, что мне снова захотелось в обморок.

Но вот что любопытно – с нашей последней встречи старший Мастгури очень похорошел и как будто даже помолодел лет на десять.

Исчезли морщинки в уголках глаз, мужественное лицо показалось мне гораздо симпатичней, чем при первом знакомстве. Оле не нравился рост знаменитой на все перекрестья врачебной династии. Макушки братьев Мастгури едва доставали Вархару до плеч. Но при моем метре с кепкой Эйдигер выглядел почти великаном. И даже очень привлекательным великаном… Красавцем почти!

Я тряхнула головой, пытаясь избавиться от странных мыслей и чувств. Это же Эйдигер Мастгури! Тот самый, что лечит уникальным электропиллингом вплоть до снятия скальпа и мышц! Тот самый, который способен пропустить удар булавой в глаз, если увидел красивую

женскую грудь. И при этом даже не покачнуться, не сморгнуть, просто продолжать изучать шикарный бюст.

Да что же такое подмешано в этот мортвейн, если теперь, едва придя в себя, я смотрела в грубо выточенное лицо Эйдигера со счастливой улыбкой? Только и думала, какие у него красивые ярко-голубые глаза, мощные мускулы, совершенно не скрытые черной футболкой в сеточку. А какие зубы-ы-ы… Ах да! Он же вырастил себе недостающий резец! Ну просто мечта, а не варвар!

Не-ет! Больше я со Сласей не пью. Даже под страхом принудительного санатория-харахирия!

– Еще энергии жизни? – спросил Эйдигер так, словно предлагал выпить «на посошок», и улыбка его странным образом потеплела.

– Электротока? – хмыкнул через его плечо Ламар. Эйдигер небрежно повел локтем, младший Мастгури сложился пополам и прокряхтел:

– Понял! Не дурак! Мог бы и так сказать.

– Мог бы, – невозмутимо подтвердил Эйдигер. – Но так ты лучше запоминаешь. Проверено с детства.

– А-а-а, – многозначительно протянул Ламар и почему-то потер лоб, затем – под глазом, а потом – и ягодицы. Кажется, эти части его тела с детства помнили прелести общения со старшим братом.

Внезапно нас сильно встряхнуло, а потом еще раз и еще.

И вот тут я обнаружила, что мы уже давно не в Академии Войны и Мира и даже не в Академии Внушения и Наваждения, а где-то еще… «Где-то» выглядело как ангар для самолетов, только с полками для сна размером с хорошую пятиспальную кровать. За окном быстро мелькали деревья с кустарниками и что-то зазывно постукивало. Тыц-тыц-тыц… Вначале я заподозрила, что мы в поезде. В таком вот варварском поезде, рассчитанном на воителей из нашей Академии, а «тыц-тыц» – перестук колес.

Но потом я увидела Сласю…

Сразу подумалось – как хорошо, что лежу, да еще в дальнем от мрагулки углу. Все-таки есть в Мастгури гуманизм. Просто братья об этом не подозревают. Наивно полагают, что это методика выживания среди себе подобных.

Слася возвышалась посреди ангара и крутила на шее нечто вроде… колеса от большегруза, только полностью стального и вдвое больше размером. Мрагулка орудовала им так, что даже Эйдигер с Ламаром пригибались, когда колесо предупредительно наклонялось в их сторону.

– Слася у нас будет показывать художества в гимнастике! – гордо сообщил Доктор Шок, уже переставший кряхтеть. – Вот, тренируется с обручем!

– Мы едем на Спартакиаду? – осторожно поинтересовалась я.

– Мгу! – бодро подтвердила Слася и резво так выбросила ногу в сторону. Ламар отскочил к стене, Эйдигер отшатнулся, подхватил меня на руки и унес подальше. Мрагулка лихо перекинула «обруч» на щиколотку и продолжила «упражнение».

Мой взгляд упал на четыре увесистые палицы, какие не всякий Илья Муромец поднял бы с первого раза. Каждая была окована шипами величиной с палец Эйдигера Мастгури. Ольга как-то рассказывала, что, приехав в Академию Войны и Мира, непроизвольно, совершенно машинально начала мерить все «вархарами» и «драгарами». Похоже, это заразно.

– Нравятся мои булавы? – вскинула бровь Слася, заметив направление моего взгляда.

– Оч-чень, – только и смогла выдавить я. – А что же я буду там делать? Ну, на Спартакиаде? – спросила растерянно. – И где Оля? Она вроде должна была ехать с вами? По крайней мере, Езенграс говорил…

– Спокойно! – Эйдигер не дал мне встать, уложил на полку и сурово произнес: – Чувствовать себя здоровым и быть здоровым – далеко не одно и то же! Почти все пациенты, едва завидев нас с Ламаром, уверяют, что уже выздоровели. Ну, кроме пленных, с кляпом во рту. Прямо на крови клянутся, что одна наша неземная красота излечила их от всех недугов. Но мы никогда и никого не отпускаем из медкорпуса, пока не докопаемся до сути болезни, не подвергнем безграничному чуду исцеления.

Ламар закивал, как китайский болванчик, расплылся в такой улыбке, что мне срочно захотелось провалиться под пол. Пусть даже там колеса, днище автобуса. Зато нет братьев Мастгури с их чудодейственными методами лечения, больше похожими на средневековые пытки.

Слася принялась так бешено вращать обруч, словно и ее не обошли стороной живительные методы братьев Мастгури. Я задергалась, попыталась встать в надежде унести ноги, а заодно и все тело от полного и безграничного исцеления. Но стальная пятерня Эйдигера буквально пригвоздила к месту.

– Алиса. Ну полежи еще немного. Мне надо проверить показатели, – неожиданно теплым, мягким тоном произнес старший Мастгури. – Мортвейн – забористая штука. С ним надо поосторожней. И не беспокойся ты так! Варвар красавицу не обидит!

– Ага! – радостно воскликнул Ламар. – Именно так я и говорю всем, кто хочет избежать уникальной электрошоковой терапии. Кстати, после нее каждый первый признается, что и впрямь чувствует себя как никогда прежде. Убеждает, что никогда в жизни такого не чувствовал.

Честно говоря, мне становилось все больше не по себе. Находиться в одном вагоне с братьями Мастгури, чья методика полного и безграничного исцеления наводила ужас на все перекрестья – уже само по себе нешуточное испытание для нервной системы. А тут еще Слася продолжала крутить и перекидывать обруч то на руку, то на ногу, то на шею. В груди билась одна последняя надежда – на благоразумие Эйдигера. Тем более на лице старшего Мастгури застыло вполне себе нормальное выражение. Хотя нет, оставалась еще надежда на Олю, которая едет где-то неподалеку, возможно, даже в соседнем вагоне.

В конце концов, я могу попытаться докричаться до сестры. От одной мысли про мортвейн и его последствия захотелось вопить так, чтобы стекла посыпались из окон.

Недолгое время Эйдигер проверял мои «показатели». Причем вначале это и впрямь выглядело как врачебный осмотр – старший Мастгури посчитал пульс, послушал сердце и легкие стетоскопом размером с мою ладонь… Но зате-ем… Эйдигер вгляделся в мою грудь, в бедра, еще раз в грудь и снова в бедра. И я начала всерьез опасаться, что ничем хорошим такой осмотр не закончится.

– А где Оля? – нашла я единственный весомый аргумент, потому что все остальные весомые аргументы были в руках у Сласи. Теперь она перешла на булавы и жонглировала ими неподалеку от нас. Трижды угодив в потолок, брутальные «спортивные снаряды» проделали там внушительные выемки, хотя вагон наверняка строился из варвароупорных материалов. Других в Академии Войны и Мира просто не использовали.

Становилось ясно – целыми уйдут со Спартакиады далеко не все зрители, главное, чтобы все выжили. А для этого требовалось лишь, чтобы Слася не промахнулась.

И вот только я так подумала, раздался характерный ойк… звон, грохот – и в образовавшейся дыре между вагонами появилась монументальная фигура Лархара Зарзелази. Олин сосед-скандр потер свежие фингалы под обоими глазами и поддернул плавки с громадным костром на самом интересном месте – пламя, естественно, взвивалось вверх… Окинув помещение беглым взглядом, Лархар потрясенно помотал головой и спросил:

– А это случайно не ваше?

Скандр протянул Сласе ее «обруч».

Оказывается, пока я размышляла, как пережить «осмотр» Эйдигера, уцелев морально и физически, мрагулка взялась за два снаряда сразу. И результат не заставил себя долго ждать.

«Обруч» пробил перегородку между вагонами и теперь покачивался на пальце у Лархара. Судя по тому, как легко поигрывал им Зарзелази, почти не напрягая мизинец, фингалы ему поставила не Слася, а любимая супруга.

А еще несколько громадных синяков по всему телу и… два укуса. Один краснел на животе Лархара, опасно близко к заниженным плавкам, другой – на шее, там, где обычные люди ставят засосы. И мы все могли оценить ровнейший прикус Марделины Зарзелази – зуб к зубу.

Слася сняла «обруч» с пальца Лархара, и любвеобильный скандр уже собирался покинуть «вагон». Даже начал поворачиваться к нам спиной с тремя укусами под лопатками. Но в эту минуту взгляд его упал на то, что Зарзелази ну никак не ожидал тут увидеть. А именно – на меня.

Лархар крутанулся обратно, ткнул в меня пальцем-сарделькой и уточнил у притихших Мастгури:

– А разве эта… ну не та… Не как ее там… В общем, сестра Ольги?

И, наверное, больше всего удивило Лархара даже не присутствие «как ее там» в поезде, где «этой-не-той» не должно быть в принципе. Гораздо сильнее потрясло его то, что вместо Мастгури ответила «в общем, сестра Ольги», то есть я.

– Рада тебя видеть, Лархар! – поприветствовала я скандра, и тот даже икнул от неожиданности. Словно не живое существо, не помощница проректора, заговорила с Зарзелази, а какая-нибудь тумбочка или, хуже того, зубочистка. В последний раз я видела Лархара таким потрясенным и обескураженным, когда после его коронного удара в челюсть пленный крипс улыбнулся и продемонстрировал остатки зубов.

– Не то чтобы я не рад. Я даже очень и постоянно… – начал оправдываться Зарзелази. Наверное, вспомнил про Вархара и Ольгу. Малитани и ее могучего мужа побаивались в Академии даже самые отъявленные варвары. Уважали, как гордо выражался Езенграс. – Но все же! Готов поклясться, что в автобус ты не садилась!

– Не-а! Не садилась! – вместо меня отозвалась Слася. – Но вы же помните, как после посадки я ненадолго сбегала в Академию и вернулась с мешочком вещей? Небольшим таким, размером примерно с Алису…

Лархар посмотрел на меня, на Сласю, и лицо его просияло пониманием.

Но только на мгновение, потому что в следующую секунду скандра пробило на новое недоумение.

– А я… просто не понял. Почему Алиса не села в автобус сама? К чему такая – как его? Карамба? Кукла панда?

– Контрабанда! – прервал мучения Зарзелази Эйдигер и так, в воздух, возмутился: – Никак не пойму, зачем Вархар пытается научить вас, диких воителей, таким сложным словам?

– Как зачем? – развел руками Лархар и выдал столько сложных слов, что теперь уже Ламар заморгал от удивления. – Вархар повышает это… как его? Наш индивидуальный… инкрустированный… инновационный… иммунный… тьфу ты! Короче, нашу мозговую потенцию!

Слася гоготнула так, что обруч загудел, а стекла зазвенели. Братья Мастгури переглянулись и хором ответили:

– Вот так всегда и говори. Про потенцию ты лучше понимаешь!

– Ага-а-а! – просиял счастливой улыбкой Зарзелази, крутанулся на пятках и бросил через плечо: – Хорошо, что напомнили! У меня там еще дела… Важные очень… – И, выйдя в брешь между вагонами, легким движением пальцев согнул толстенные металлические края дыры так, что она почти закрылась.

Эйдигер улыбнулся мне – настолько дружелюбно, что я снова начала грешить на побочные эффекты мортвейна. Ну не может этот могучий варвар, беспощадный врач и беспредельно добрый брат так улыбаться.

Сразу вспомнилось, как старший Мастгури спасал женщин из потопа в Академии Внушения и Наваждения. Свирепые волны бились о мускулистое тело Эйдигера, едва прикрытое меховыми «карнавальными» плавками. Но скандр даже не покачнулся, не сбился с шага. Мне всегда нравился этот дикий мужчина, и порой казалось – старший Мастгури тоже ко мне неравнодушен. По крайней мере, к моим ягодицам и груди уж точно…

Увы! В дни нашего первого знакомства я еще встречалась с Далеком, истлом из Академии Войны и Мира. Потом мы как-то спокойно расстались, по обоюдному согласию, без претензий, и начали просто дружить… И… признаюсь, я вспоминала Эйдигера. Думала о нем тихими вечерами в родной Академии. Когда негромкий вой ветра заглушал грохот случайно поваленных деревьев да редкие взрывы автобусов и башен, благодаря тренировкам наших бравых воителей.

Я прямо видела сверкающий взгляд Эйдигера в тот день, когда мы со Сласей шествовали по его медкорпусу в Академии Внушения и Наваждения. Тогда Оля нарядила нас почище иных танцовщиц стриптиза. И старший Мастгури вместе с медбратьями-скандрами едва не окосели, не в силах выпустить из виду хотя бы миллиметр наших прелестей.

Ну а если серьезно… Тогда, в поездке, меня до глубины души тронуло то, как Эйдигер поддерживал Вархара. Понимал его, даже когда Олин муж собирался уехать домой, бросить внушателей на произвол судьбы только потому, что очень переживал за свою женщину. Наверное, только скандры умеют так любить – безоглядно и безусловно.

И так разрушать тоже умеют только они. Эта мысль посетила меня, когда Эйдигер небрежным движением руки оторвал смятый «обручем» кусок потолка и, не глядя, выбросил в закрытое окно.

Я думала – все, стеклу конец. Но Ламар метнулся и, как цирковой артист, ловко отрыл окно, прежде чем тяжеленная железяка вылетела вон. И так же быстро закрыл.

Братья Мастгури умели удивлять. И не только электротоком.

– Так, Эйдигер! – вернула нас с небес на землю Слася. – Если Алиса в порядке, надо пойти к Оле и как-то объяснить появление ее сестры в автобусе. Есть предложения?

Старший Мастгури пожал плечами, а младший насупился так, что стало ясно – такая мощная мыслительная деятельность для Ламара в новинку.

– Ты можешь поклясться, что Алису принесло ураганом, – предложил Эйдигер. – Или, например, она свалилась с крыши. Шла она такая к себе в общежитие, но по дороге почувствовала ужасную усталость. А тут наш автобус! Ну да, получается, что шла она в общежитие через соседний техномагический мир. Транспорт-то пригнали оттуда… Но ты можешь сказать, что Алиса от усталости брела куда глаза глядят. А глаза ее неожиданно посмотрели в сторону этого мира. И вот пошла она туда, в противоположную от Академии сторону – с кем не бывает… И наткнулась на наш автобус. Легла себе на крышу – поспать, отдохнуть. А как тут не лечь? Отпахав столько тысяч километров! Автобус поехал, и Алиса вместе с ним. Ты проломила обручем крышу и – вуаля – в нашем вагоне гостья!

Судя по хитрющей улыбке Эйдигера, он просто придуривался, и Слася это тоже отлично понимала. Мрагулка нахмурилась, прервала тренировку и начала бродить по вагону, задумчиво подкидывая в воздух булавы. Эйдигер внимательно отслеживал полет «спортивных снарядов». И если какой-то из них слишком приближался, небрежным щелчком пальцев отправлял его назад – как муху.

Я давно поняла, почему Вархар близок с Эйдигером как ни с одним другим перекрестным варваром. Старший Мастгури только притворялся недалеким дикарем, как Ламар, Лархар, Мастгар и многие другие. Такой «имидж» позволял старшему Мастгури держать в страхе

не только студентов и преподов собственной Академии, но и соседних. На самом деле, Эйдигер ни капли не уступал Вархару в смекалке, интеллекте и скорости мышления.

На лице старшего Мастгури прописалось такое выражение, что становилось ясно – он давно все придумал, но хочет наказать Сласю за ее выкрутасы с мортвейном. И тут я с Эйдигером была совершенно согласна.

На бутылке с «болотной водой» следовало повесить предупреждение, как на пачках сигарет. С черепом и костями. Причем у черепа должно недоставать, как минимум, нескольких зубов, свернута набок челюсть и треснута глазница.

Слася начала шарахаться по вагону быстрее – похоже, ее мозг пасовал перед неразрешимой задачкой, и тело компенсировало это досадное упущение.

Булавы заметались по вагону с ужасающей скоростью.

– Ой! Ай!

– Да чтоб тебя!

Первые два возгласа принадлежали Ламару – младший Мастгури нахмурился еще сильнее и потирал затылок, зачем-то почесывая его любимыми щипцами. Где братья-врачи хранили свои удивительные медицинские инструменты, для всех оставалось загадкой. Только в самые тяжелые или неожиданные моменты в руках у Ламара появлялись щипцы размером почти с него самого, а в руках Эйдигера – скальпель. Поменьше, всего-навсего размером с мою руку, от локтя до запястья.

Последний возглас, произнесенный голосом Вархара, несказанно меня обрадовал. Соседство Эйдигера становилось все более приятным. Тем более что он благородно заслонял меня от «спортивного инвентаря» Сласи своей широкой варварской спиной. Но вот соседство булав, обруча и ленты, чью роль выполняла толстенная кожаная плетка с металлическим набалдашником на конце, выглядело все более обременительным.

Аттракцион «летающие богатырские булавы» давно отбил у меня охоту делить вагон с мрагулкой. Разрушительную силу обруча мы все уже успели познать. И не только мы – супруги Зарзелази тоже. И мне совершенно не хотелось проверять – что может сотворить Слася при помощи «ленты». Ее площадь поражения, судя по длине плетки, была намного больше, чем у булав и «обруча». И что-то подсказывало – во время художеств в гимнастике Слася пленных не берет.

Я не сразу поняла, откуда взялся Вархар. Только заметила, что улыбка Эйдигера стала еще хитрее и шире, а в руке у него промелькнуло нечто вроде малюсенького сотового. Звонка я не слышала, но он явно достиг цели.

– Что тут происходит? Оленька только заснула! Разбудите – покалечу! Трижды… если она испугается – четырежды! – на полном серьезе предупредил Вархар и только после этого опустил взгляд на меня. Бровь проректора, моего начальника, подняла три его родинки на лоб, глаза слегка округлились.

– Я точно помню, что безбилетников мы не брали, – поделился с Эйдигером Вархар.

– Не переживай, – старший Мастгури метнул взгляд на Сласю, и Ламар ойкнул снова – булава упала ему на ногу. – Алиса решила помочь Оле с организацией торжеств. Сообщить вам не успела. Поэтому мы подсадили ее в вагон, когда автобус тронулся, – Эйдигер подмигнул мне, и покрутил пальцем у виска, видимо, иллюстрируя собственный рассказ.

Вархар окинул нашу честн*у*ю компанию внимательным взглядом, похоже, не без оснований сомневаясь, что она еще и ч*е*стная.

Слася усиленно закивала, уронила вторую булаву на ногу Ламара, и тот разразился таким многоэтажным пассажем, что даже Вархар удивленно покачал головой.

– Так. В общем. Будем считать, я вам поверил.

Олин муж обвел всех новым, внимательным взглядом – он прямо проникал под кожу, как рентген.

– Я забираю Алису к нам в купе. На всякий случай. Если Сласе захочется потренироваться еще немного… – почти сурово произнес Вархар и призывно махнул мне рукой.

Повторять этот чудесный жест скандру не пришлось. Я вскочила как подорванная и метнулась за ним, подальше от Сласи и ее спортивного инвентаря.

Сзади нечеловеческим ругательством завыл Ламар – видимо, мрагулка и впрямь решила продолжить тренировки.

Я обернулась, и от взгляда Эйдигера – льдисто-голубого, как у героя любовного романа – стало жарко и томно. На долю секунды захотелось задержаться, пообщаться со старшим Мастгури еще немного. Но булавы Сласи, резво заметавшиеся по вагону, убили это желание напрочь.

Я ухватилась за руку Вархара и поспешила в их с Олей спасительный вагон. Наверное, так рвутся в бомбоубежище жители атакованного с воздуха города…

Глава 3
Электрический свет – дело темное

Ольга

Как ни удивительно, но катастрофы закончились сразу после посадки. Или я их попросту проспала. Теплый чай, мягкая полочка, шерстяное одеяло и мерное раскачивание автобуса сделали свое дело – я отключилась.

А когда проснулась, автобус уже стоял на месте. Напротив него, в кромешной тьме вырисовывались едва различимые глазом очертания Академии Всего и Ничего. Я с огромным трудом рассмотрела контуры непропорционального замка-лабиринта. Казалось, Академию лепили кое-как из гигантских конструкторов разного размера и вида.

Храмовые купола, башенки, покатые черепичные крыши – все это смешивалось и хаотично чередовалось.

Такое чувство, что местные аннигилировали все, что под руку попадется, и воссоздавали «по памяти». А память у них явно девичья…

– Проснулась, Оленька? – спросил Вархар, и я заметила то, чего совершенно точно не было в вагоне перед тем, как уснула. Вернее того, кого здесь не было. Алиса сидела на высокой полке, задорно болтала ногами и весело улыбалась.

– А ты-ы тут как? – растерянно выдавила я.

Сестра зачем-то покосилась на дверь-стену в соседний вагон, пожала плечами и сообщила:

– Я так, заносом… Ой, залетом… Короче, случайно. В общем, помогать тебе буду.

– А чего у них так темно? – удивилась я, ткнув пальцем в черноту академического двора, где остановился автобус.

Там не горели даже уличные фонари, не говоря уже об окнах.

– Говорят, свет чинят. Местные электрики развлекаются. Шесть часов уже как. Кто-то из студентов расстарался. Аннигилировал пару проводов и был таков. Потом, правда, сознался, повинился. Ну, после нескольких часов жестоких пыток. Они ему рассказывали про теорию превращения атомов в молекулы, молекул в вещества, электронные переходы в полупроводниках и все такое… А еще говорят – мы варвары! Дошли даже до миграции дырок и корпускулярно-волновой теории света… Короче, замучили парня так, что тот начал признаваться даже в том, чего не совершал. Но место аннигиляции проводов забыл. Вернее, вспомнил, но примерно. Где-то с точностью до километра. Теперь тут рулят электрики. Аннигиляторы гоняются за ними, грозятся изничтожить до молекул. А те устраивают перекуры. Сидят под проводами, байки всякие травят, а в промежутках, когда совсем скучно, – продолжают искать порыв. В общем, до завтра света не жди! – Вархар словно рассказывал о чем-то очень веселом и курьезном. – Кстати! Мы поэтому и не высаживаемся. В автобусе свет на перекрестной энергии работает.

Алиса хмыкнула и поймала мою мысль на лету.

– Прямо как у нас, в родном мире! – хором произнесли мы.

Вархар посмотрел так, словно мы только что запели басом, подыгрывая себе на лютне, помотал головой, снова обвел нас с Алисой пораженным взглядом и расхохотался.

– Я понял! Вы шутите! – воскликнул муж, хлопнув по столу ладонью так, что тот закачался и развалился на две части.

– И даже не думали шутить, – нервно передернула плечами Алиса. Воспоминания и впрямь остались не из самых приятных. – У нас такое сплошь и рядом случалось. То газ на полдня отключат, то воду, то свет. А так чтобы целую неделю все три услуги оказывали… это только по праздникам. Хотя нет! В честь праздников отключали горячую воду. Чтобы люди бодрились, так сказать, настраивались на подвижное веселье. Не сидели на месте, даже в ванной.

Вархар замолчал, глаза его округлились и забегали от меня к Алисе. Наконец мой варвар отмер и изрек:

– М-да. Неудивительно, что вы уехали преподавать в наш вуз. В самых захудалых деревнях, и даже после нашего, варварского, набега, не практиковали таких жестоких пыток над жителями. А точно вы жили в свободном государстве? Не в лагере для особо опасных военнопленных? Ну, или там преступников?

Я ткнула мужа локтем в живот, Вархар притворно закашлялся и прокряхтел:

– Оленька… Я же просто подумал. Может, вы дети преступников, родственники. Ну за что-то же вас так истязали, а? – и муж невинно захлопал глазами.

– Это никакие не пытки, это коммунальные услуги, за которые мы платили половину зарплаты, – с философским видом произнесла Алиса и добавила: – Эх! Туда бы Сласю! А еще лучше братьев Мастгури! Или даже супругов Зарзелази! Мастгара, Суггурда, Бурбурусса…

Аппетиты сестры по переселению перекрестных варваров в наш неволшебный мир росли с каждой минутой. Похоже, она прикидывала, какая потребовалась бы армия, чтобы внушить водоканалу, электросетям и теплосетям, что пора бы начать работать, а не только зарабатывать. В смысле изымать деньги у населения и ничего не делать.

Но Вархар опять понял все по-своему.

– Думаю, они бы поехали, – задумчиво сообщил скандр. – Раз у вас такие-е пытки разрешены и легальны, легкие побои и прореживание зубов, наверное, вообще считались праздничным развлечением. А «коммунальные услуги» – это такое оригинальное название главных спецов по истязаниям?

Мы с Алисой переглянулись, нервно хихикнули и хором ответили:

– Да!

Алиса

Не прошло и нескольких минут, а в нашем вагоне стало уже не так безопасно, как раньше.

Туда ввалились: Слася, Эйдигер, Ламар и Бурбурусс.

Когда могучие варвары появились на пороге, я вдруг ощутила себя жительницей тех самых деревень, которые терпели их набеги. Захотелось срочно броситься в окно – не важно, закрыто оно или открыто, сбежать в темноту и скрыться там, пока электрики не починят проводку.

Даже странно, что Ольга воспринимала прибытие веселой компании трех шкафов и одной этажерки, если судить по габаритам, так спокойно и даже позитивно.

Сестра разулыбалась, закивала, приветственно подмигнула Сласе. И та прямо расцвела.

Я всегда удивлялась – что общего у этих двух столь разных женщин. Утонченной интеллектуалки Оли и экспрессивной богатырши Сласи. Но, кажется, они очень привязались друг к другу. Настолько, что сестра почти не замечала «особенностей» мрагулки, а та, в свою очередь, не обращала внимания на дружеское подтрунивание Оли.

Земные подруги сестры обычно дарили ей косметику, украшения, сумочки. Слася же тащила в квартиру Оли вазы размером с Вархара, горшки для цветов, в которые уместился бы целый ботанический сад, и сверкающие юбки-кофточки. От одного взгляда на них рука сама искала поблизости черные очки.

С земными подругами Оля ходила в музеи, театры, на худой конец, на шоппинг. Со Сласей они посещали, в основном, «веселые бои». Так называли варвары Академии Войны и Мира бои без правил, доспехов и оружия. Впрочем, оно им и не требовалось. Любой скандр или мрагул уже сам по себе – отличное оружие массового поражения. В процессе схваток бойцы увлекались так, что редкий зритель из первого ряда уходил домой без шишек и синяков. Неудивительно, что импровизированную арену в первую очередь окружали частоколом из… скандров с мрагулами. На них винтовые переломы заживали быстрее, чем на других расах – шишки и синяки. Причем даже без применения энергии жизни. А уж с ней-то и подавно!

«Хиляков» – то есть все остальные расы перекрестья – на боях берегли, отодвигали подальше от свирепых спортсменов. Нас тоже.

Малитани боялись, уважали и старались не злить. Да и гнев Вархара на перекрестьях воспринимали не иначе как очередное стихийное бедствие, предпочитая ему даже встречу с цунами и смерчем, вместе взятыми. Однажды в порыве схватки скандр-гладиатор откусил противнику ухо и плюнул в зал под восторженное улюлюканье публики. Ухо спланировало прямо к Оле на колени. Сестра подняла его, хотела выбросить, но в эту минуту бывший владелец части тела заорал на все помещение:

– Что вы, что вы, уважаемая Ольга Искандеровна! Оставьте себе! Оно мне, в общем-то, и не нужно. Только стричься мешает. Дарю как сувенир!

И все же сестра с мрагулкой делились самым сокровенным и оставались дружны, несмотря на совершенно разные темпераменты, интересы и уровень интеллекта.

Вархар осторожно подвинул Олю и присел рядом, отделив жену от счастливых варваров. На лицах их сверкали улыбки людоедов племени тумба-юмба перед перекусом заезжим туристом.

И едва Слася взмахнула булавой, Вархар привстал и прорычал:

– Сюда со своим спортинвентарем нельзя!

Слася аж вздрогнула, выпрямилась по струнке и выронила булаву. Истошно, почти навзрыд выругался Ламар, на чьи ноги неизменно, словно заколдованный, приземлялся мрагулкин инвентарь.

– Между прочим, за уроненные булавы снимают очки! – хмыкнула Оля, и Вархар расплылся в довольной улыбке. Мне нравилось, как он гордился женой, восхищался, радовался малейшим ее успехам, переживал из-за неудач и в любую минуту бросался на помощь. Наверное, таким и должен быть настоящий муж.

Слася воззрилась на Олю непонимающим взглядом.

– Очки снимают? Зачем? – поразилась мрагулка.

– За уроненный предмет! – поддакнул Вархар.

Слася еще какое-то время ошарашенно моргала. И только после ее ответа мы поняли, что ввело смекалистую вроде мрагулку в такой интеллектуальный ступор.

– А-а-а! Все равно! – рубанула рукой по воздуху Слася. – Я не ношу очки.

Вархар запрокинул голову и раскатисто захохотал, Эйдигер поступил так же. Оля захихикала, и я не сдержалась – залилась смехом.

Ламар быстро похромал вперед и занял свободную полку. Эйдигер присел рядом со мной, заслонив от гимнастических художеств Сласи своим богатырским телом. Прямо как Вархар Ольгу!

И точно так же сразу прижался горячим варварским боком. М-да… Ухаживания у них однотипные, зато приятные.

Я просто сомлела от близости Эйдигера, ощущая, как быстро заходила мехами его грудь, а взгляд льдисто-голубых глаз снова заночевал на моей фигуре.

Старший Мастгури даже не сразу откликнулся на предложение Вархара.

– В карты, что ли, сыграем? – изогнул бровь с родинками Олин муж.

Слася закивала, Бурбурусс восторженно зарычал – нечленораздельно, но вполне понятно. Ламар что-то простонал о том, насколько он не против, вот только дождется, пока закончит болеть стопа. И Вархар на полном серьезе предложил ему попробовать думать головой, чтобы нога отдохнула. Слася запрыгнула рядом с Ламаром на полку, и впервые в жизни я увидела, как Доктор Шок от кого-то шарахнулся. Доктор Шок в шоке… Такое не сразу забудешь.

Ламар отшатнулся так, что врезался в стену плечом, и там осталась внушительная вмятина. Вархар снова раскатисто захохотал, Эйдигер подхватил. Ламар хмыкнул, посмотрел на стену, на Сласю и загоготал так, что заглушил обоих.

Мрагулка пожала плечами.

– Да ладно вам! Зато какой шок я им устрою! Ой, шоу, шоу!

– Первое было правильней и намного логичней, – отозвался Эйдигер. Вархар мотнул головой, и скандры вновь залились хохотом. Да так, что стены задрожали и окна задорно зазвенели сотнями колоколов.

Не знаю, откуда Вархар раздобыл карты. Наверное, оттуда же, откуда Эйдигер регулярно вытаскивал скальпель, а Ламар – свои знаменитые щипцы.

Я ожидала увидеть знакомую уже колоду, которой мы играли в гостях у внушателей. Ту самую, где дам заменяли мужчины-сальфы и сами карты подписывались не «дамами», а «бабами». Но не-ет! Похоже, скандры готовили особенные карты для каждой командировки.

Теперь в виде королей и тузов на картинках красовались наши преподы по военке, а еще Мастгар, Суггурд, Лархар, Вархар и Езенграс.

Бурбурусс гордо вскинул голову, подбоченился и замахивался на случайного зрителя диском размером с колесо большегруза.

Странгард Харлади, рыжеволосый скандр, громила, как и Бурбурусс, в такой же майке-алкоголичке и ярко-красных лосинах, замер к нам в профиль. Словно неведомый художник нарочно стремился сделать акцент на его оторванном ухе, с заметными следами зубов по краям «огрызка». Знаменитый Священник потерял ухо, как и положено настоящему скандру, во время секса. А еще этот препод обожал «осенять» студентов борсеткой весом с хороший рюкзак, набитый кирпичами.

Мрагул Виселгалл Липляндский, третий препод по военке, был шире в плечах Священника и Бурбурусса, вместе взятых. И ноздрю ему жена отковыряла не во время секса, а сразу после – в порыве борьбы за душ. На первый взгляд Виселгалл одевался скромно – в футболку и юбку-шорты. Но все студенты, которым довелось отжиматься и качать пресс на уроках Колокола-Виселгалла знали, что под шортами уже совсем ничего нет, кроме самого препода. На карте он стоял, как и на занятиях: руки в боки, ноги на ширине богатырских плеч, взгляд прожигает дыру в каждом, кто рискнет его встретить.

Роль дам-баб играли уже не просто сальфы, а наши старые знакомые – проректор Гвендолайн Эйр из Академии Внушения и Наваждения, и еще несколько тамошних преподавателей.

Валеты… назывались «вальты-кранты». На картинках скандры с мрагулами, явно из родной Академии, душили, попирали ногой и размахивали над головой крипсами.

Пока мы с Олей во все глаза рассматривали колоду, на которую Слася лишь небрежно покосилась, Вархар принялся сдавать. Я подняла на него глаза и обомлела. На сестрином муже красовались уже знакомые мне по карточной игре у внушателей клипсы – черные, маленькие, штук по пять на каждое ухо. На шее висели похожие бусы. Я обернулась к Эйдигеру и обнаружила, что и он принарядился так же.

Ламар печально вздохнул и поправил на ушах белые клипсы, а на шее – белоснежные бусы. Видимо, младшему старший Мастгури пожалел черную бижутерию. Слася тоже заметила, что скандры «принарядились», и сразу поняла, чем ей это грозит. Мрагулка нервно поерзала на полке и огляделась, словно искала выход. Дернулась, наверное, чтобы посмотреть, можно ли протиснуться между спинкой полочки и спиной Бурбурусса – он пристроился рядом

с мрагулкой. И я чуть не оглохла. Показалось, прямо в ухо вопит кит-горбатка в брачный период. Но поскольку орали многоэтажно и голосом Ламара, стало ясно – Слася продолжила шокировать доктора Шока своей феноменальной неуклюжестью.

– Да ла-адно тебе! Такая девушка наступила тебе на ногу. Ты должен гордиться! – загоготал Эйдигер. – Представь, что это я прыгнул бы тебе на стопу!

Ламар закатил глаза, странно передернулся и затих. Видимо, представил.

Похоже, братские отношения варваров перекрестья не сильно отличались от супружеских. Разве что удовольствия травмированная сторона получала не в пример меньше. Слава энергии жизни! Она позволяла варварам калечить друг друга без ущерба для здоровья. Ущерб возмещали медики, предварительно напугав пострадавших до чертиков. Например, как братья Мастгури.

За какие-то пару часов Слася осталась в одном белье и носках, а Вархар с Эйдигером сняли почти все украшения – по одному за каждый наш с Олей проигрыш. Но это представлялось незначительной мелочью по сравнению с тем, что Бурбурусс разделся догола уже после двадцатого кона. Причем сделал это так ловко, что вся нижняя половина его туловища оставалась прикрытой столиком. Мы думали, Генерал перестанет играть – снимать ему было уже решительно нечего. Но мы сильно ошибались. Вархар принялся сдавать снова – на всех, а Генерал кивнул Олиному мужу и легким движением руки выдернул из-под соседей покрывало. Пока Слася с Ламаром пораженно смотрели на Бурбурусса, тот с невозмутимым видом обмотался покрывалом, на манер древнеримского патриция и взял карты.

Теперь стоило Бурбуруссу остаться в дураках, он сбрасывал покрывало, замирал секунды на две, гордо выпятив грудь и заворачивался в атласную тряпицу другим макаром. Я даже не думала, что есть столько способов обернуться покрывалом.

Слася возмущенно пыхтела весь кон и с ужасом вскрикнула, когда опять проиграла. На мрагулке не оставалось уже ничего, кроме белья. Даже носков.

Слася беспомощно оглядела вагон, метнула взгляд в потолок, будто прикидывала – получится ли удрать «воздухом». В конце концов, потолок в собственном вагоне она пробила легко. Правда, не без помощи волшебного спортинвентаря, благополучно конфискованного Вархаром.

Но Эйдигер спас автобус от новых разрушений, а Сласю – от раздевания. Привстал, перегнулся через весь стол и сорвал с уха Ламара клипсу. Доктор Шок скрипнул зубами, посмотрел на Сласю со смесью злорадства и сочувствия и выбросил клипсу в окно. На сей раз любимый варварский трюк «выброси вещь в закрытое окно» не прошел. Клипса оказалась настолько легкой, что срикошетила от стекла и полетела назад. Мы пригнулись. Украшение массового поражения просвистело над головами и врезалось в дверь, но полет свой завершать не спешило. Клипса срикошетила снова и… Ламар завопил так истошно, что оконное стекло дрогнуло и осыпалось мелкими осколками.

Вархар тихо, но грязно выругался на языке нашего Перекрестья. Эйдигер добавил что-то вдогонку, кажется, на языке скандров, затем – мрагулов, а потом еще истлов и таллинов. Мы с Олей поняли только следующие пассажи – вполне себе человеческие, витиеватые, достойные конюха. Тем временем клипса отразилась от Доктора Шока и пулей вылетела на свободу – в пустую оконную раму.

Из кромешной мглы послышался дикий крик, раздался треск, полыхнуло оранжевым и… Академия Всего и Ничего появилась из темноты, замигала, как новогодняя елка.

Справа от автобуса трясся, словно эпилептик, черноволосый леплер. Длинная коса его расплелась и стояла над головой веером. Между прядей, весело потрескивая, пробегал ток. В воздухе отчетливо пахло палеными волосами. Я почему-то подумала, что в таком виде электрику впору играть королеву Набу из старого земного фильма «Звездные войны». Играть даже без грима – лицо леплера приобрело оттенок мела само собой. Он то и дело приплясывал,

когда разряды искрили на его высоких ботинках с металлическими клепками или пробегали по пряжкам семи ремней. Меньшее количество эта раса просто не носила. Считала ниже своего достоинства.

Заметив нас в окне автобуса, леплер исторг полный трагизма вздох, махнул рукой и сообщил в ночь:

– Ну да! Это же из Академии Войны и Мира пожаловали! Чего еще я ожидал? Еще легко отделался. Можно сказать, родился в рубашке.

– Мардерик Пострум? – высунулся из окна Бурбурусс.

Леплер отшатнулся так, словно Генерал мог схватить его и втащить в автобус.

– Д-да, – произнес Мардерик, постукивая зубами – то ли из-за полученного удара током, то ли от счастья, что видит нашу теплую компанию.

– Привет тебе от брата! Он по-прежнему трудится на благо нашей великолепной, не побоюсь этого слова, ноговырывательной… ой, сногсшибательной Академии! – выкрикнул Бурбурусс так, что местные студенты и преподы повысовывались из окон вуза и резко спрятались назад.

Мардерик приподнял кустистые брови, нервно переступил с ноги на ногу, подпрыгнул, когда разряд перескочил с клепки на клепку, и пораженно уточнил:

– А он что? Еще жи-ив?

На последней фразе леплер сорвался на фальцет и затих, глядя на нас широко распахнутыми глазами.

Бурбурусс небрежно повел плечами, отчего оконная рама слегка покосилась и жалобно скрипнула, и хмыкнул:

– Да живее всех живых! Куда ж он денется! Ну, получил по башке пилками для ногтей, карандашами и бронзовыми стаканами для них. Подумаешь, дело! Стаканы весят не больше семи килограммов каждый. Пилки и карандаши застряли у Федерикка в космах. Ты даже не представляешь, как красиво это смотрелось в прическе! На земле есть такие девушки легкого поведения – кексы называются…

– Не кексы, а кейсы, – деловито поправил Генерала Ламар.

Эйдигер хохотнул, Вархар поддержал. Мардерик попятился и уточнил:

– Вы хотели сказать – гейши, что ли?

– Точняк! – гаркнул на всю Академию Бурбурусс, и столб рядом с Мардериком заскрипел и покосился. Леплер попятился снова, развернулся и бросился бежать, крикнув через плечо:

– Я рад, что брат еще жив! Мама уже хотела оплакивать его… Надо срочно ее обрадовать… Пока я сам еще в состоянии, мало ли сколько вы прогостите…

Я перевела взгляд со сверкающих пяток Мардерика – в прямом смысле сверкающих, по ним все еще пробегали разряды тока – на Академию.

При свете она выглядела еще более несуразной, нежели в темноте.

Казалось, кто-то смешал четыре-пять зданий и в произвольном порядке слепил из них нечто целое.

Купола громоздились на черепичных крышах, рядом с трубой. Острые пики башен выстреливали наискосок, прямо из стен. Витражи соседствовали с резными деревянными ставнями. Покатые, покрытые то ли шифером, то ли чем-то похожим крыши венчались очередными золотыми куполами.

– Вот до чего доводит беспорядочная эпиляция! – Бурбурусс выпрямился, ткнул пальцем-сарделькой в потолок, и… покрывало медленно сползло с его мощной фигуры. Не сразу поняла я – о чем толкует Генерал. На вид он не то чтобы не эпилировался, скорее наоборот, напоминал обезьяну. Но Вархар перевел нам с Олей с варварского языка на человеческий:

– Он хотел сказать – аннигиляция. Эти чудики время от времени случайно, забывшись, аннигилируют Академию. А уж на экзаменах испарить полкорпуса – вообще милое дело. Потом восстанавливают, по памяти. Ну а память у бабы какая?

– Де-ви-чья!

В последнем слове не ошибся ни Ламар, ни Бурбурусс, ни Слася, которая под шумок не только оделась, но и вернула себе булаву.

– Положи на место! – рявкнул на нее Вархар.

– Ой!!! Ну не на это же! – взвизгнул Ламар и нырнул в окно, как пловец ныряет в бассейн.

Эйдигер пожал плечами и гаркнул брату:

– Да ладно тебе! Может, булава решила, что твоя нога – ее любимое место… Так сказать, место славы…

Ламар ответил – очень громко и очень забористо. На последнем витиеватом пассаже его перебил тонкий, как стручок, истл с длинной рыжей гривой, собранной в аккуратный высокий хвост.

– Мы тоже очень рады вас видеть, – сказал он так, словно произносил речь смертника, чья голова уже лежит под гильотиной.

Даже не так. Словно обращался к этой самой гильотине.

Ламар выпустил в воздух еще несколько забористых фраз. Вархар высунулся в окно и рявкнул:

– Ведите нас в спортивное общежитие!

– А может, не надо? – жалобно простонал истл, нервно теребя ворот светлой рубашки. – Там только что сделали ремонт… У нас есть еще два прекраснейших, удобнейших общежития… А?

И он окинул автобус тоскливым взглядом человека, понимающего, что все худшее впереди. Впереди скандров. Их руки, способные сломать и уничтожить что угодно в радиусе многих километров, их не менее «талантливые» ноги и бронебойные лбы. Не говоря уже о дереве-талисмане команды. Оно приехало вместе с нами на крыше, а в ветвях всю дорогу сладко проспал Олин кот – Лучик.

– Надо-надо! – проникновенно заверил Вархар. – Заодно и проверим качество ремонта.

Истл вжал голову в плечи и обреченно произнес:

– Ага… я понимаю… Мне Гвенд уже рассказывал.

– Гве-енд! – хором воскликнули Вархар с Эйдигером. У ближайшего здания покосилась башня и повисла горизонтально.

– Ага, – вздохнул истл. – Если что, меня зовут Чарм Ларри. – Я – ваша местная жертва… ой… ваш местный провожатый и организатор Спартакиады.

Ольга

Разгрузка нашего автобуса прошла не менее феерично, чем посадка.

Мы с Алисой наблюдали за тем, как шарахался Чарм от каждого спортсмена родной сборной, и понимали – надолго нервов проректора не хватит. И мы оказались убийственно правы. До Спартакиады нервная система Чарма не дотянула несколько дней – сдалась на милость перекрестных варваров.

Но вскоре два удивительных персонажа отвлекли нас от страданий проректора из Академии Всего и Ничего.

Я успела привыкнуть к тому, что все, у кого не хватало сил и выносливости состязаться с воинами из родного вуза, моментально сникали, как Гвенд. Старались не попадаться нам на глаза, спрятаться понадежней и ждать, пока варвары уедут восвояси. Но у аннигиляторов меня ждал невероятный сюрприз. И не только меня.

Вархар и Лархар, который походил на один сплошной синяк, но сиял как начищенный самовар, небрежным движением рук сняли дерево-талисман с автобуса и развернулись. Несколько «новобранцев» из нашей команды-армии синхронно пригнулись, и ствол просвистел над их головами. Но следом раздался глухой звук удара, и почти у самых ног Вархара распростерлись два сальфа, слишком просто одетые для своей расы. Даже наши сальфы, из Академии Войны и Мира, наряжались в шелковые рубашки, брюки, а иногда сережки, цепочки и браслеты! Но парочка сбитых на подлете преподов носила самые обычные футболки и джинсы на размер больше. Что-то мне это сильно напоминало…

Секунды две, а может, чуть больше, сальфы лежали на желтоватой брусчатке академической дорожки бесчувственно.

И это очень воодушевило Ламара с Эйдигером. Старший Мастгури почесал затылок скальпелем и сладко улыбнулся моей сестре. Еще в гостях у внушателей я заметила, что Эйдигер старается держаться поближе к Алисе, но к настоящим варварским ухаживаниям он приступил только в поездке. Ламар хмыкнул и потряс в воздухе щипцами, словно первобытный воин дубиной.

Чарм, и так уже отскочивший на добрых метров двадцать, сделал еще несколько суматошных шагов назад и замер, кажется, в ожидании худшего.

Но худшего не случилось.

Ламар радостно воскликнул:

– А вот и первые пациенты! Надо срочно готовить мою установку для электроукалывания! Лечить до полного и безграничного исцеления!

Он махнул рукой двум своим аспирантам – они сопровождали нас в поездке в качестве медиков, и сальфы мгновенно распахнули ясные голубые глаза.

А потом неожиданно ловко и быстро вскочили на ноги, будто и не сальфы вовсе, а как минимум истлы.

К моему величайшему удивлению, на их красивых лицах с мелкими чертами отразился вовсе не ужас, не желание зарыться под землю или улететь в небеса, а искренняя радость.

Сальфы просияли счастливыми улыбками, вытянулись по стойке «смирно», прямо как преподы родной Академии, и отчеканили Вархару:

– Здравствуйте, уважаемый проректор Изилади!

Казалось, мы на параде, и солдаты приветствуют генерала. Нет, даже не так – генералиссимуса!

Давненько мы с Алисой не видели моего мужа таким потрясенным. Вархар сглотнул, немного попятился и шепнул Лархару:

– Осторожно. Похоже, они не в себе. Удар по голове и все такое. Неокрепшие черепа… В общем, кто знает, может, сейчас они обниматься бросятся.

Судя по тону Вархара, объятия двух сальфов – самое ужасное, что только могло с ним случиться этой прекрасной летней ночью. Как, впрочем, и с Лархаром. Услышав предположение моего мужа, Зарзелази в ужасе выпучил глаза и выронил бревно. И аннигиляторам несказанно повезло, что упало оно не ниже затылка страстного скандра. На месте, куда рухнул талисман нашей команды, уже торчала увесистая шишка, но Лархар и бровью не повел. Лихо поймал бревно, прежде чем оно скатилось с темечка, и бодро выпрямился.

Странные сальфы не могли не привлечь внимания нашей бравой команды-армии. Спортсмены неторопливо подтягивались к эпицентру невиданной сцены и застывали неподалеку.

Сальфы замерли в ожидании ответа Вархара, и когда его не последовало, оттараторили в сторону братьев Мастгури:

– Добро пожаловать, многоуважаемые лучшие врачи всех перекрестий! Мы про вас наслышаны.

Ламар почесал щипцами подбородок, шваркая ручками по камням брусчатки так, что многие присутствующие схватились за челюсти. И Слася тоже. Естественно, булавы и обруч выпали из ее рук и упали туда, куда приземлялись весь последний день.

В следующую секунду Доктор Шок так шокировал всех многоэтажным пассажем, что даже Вархар с Лархаром округлили глаза, а Бурбурусс присвистнул. Спортсмены часто заморгали, а мрагулка из команды по фигурному плаванию даже достала блокнот и начала записывать.

– Теперь я точно знаю, что ответить своему парню, когда спросит – где пропадала всю ночь напролет, – заговорщически сообщила она соседке, тоже «пловчихе с фигурой». Та понимающе закивала, а мрагулка с блокнотом удовлетворенно добавила: – А вот это я скажу ему, когда спросит – почему я вернулась домой без белья. А это, когда поинтересуется – почему мое белье висит на балконе у соседа-скандра! В разборках с любимым главное – найти весомый аргумент. У меня как раз закончились кастрюли, сковородки и даже шкафы. Теперь в ход пойдут вот эти забористые фразочки. Зуб даю! Он не скоро придет в себя!

Пока доктор Шок прыгал то на одной ноге, то на другой, изощряясь в перекрестных ругательствах, сальфы в футболках продолжали стоять по стойке «смирно», пожирая его верноподданническими взглядами.

Спортсмены из родной Академии стекались поближе, во все глаза пялясь на невиданное зрелище. На сальфов, которые действительно счастливы встретить наших варваров, а не прохныкивают это со слезами на глазах.

Вархар на всякий случай еще немного попятился, выбросил вперед руку в защитном блоке и уточнил у «блаженных»:

– А вы, собственно, кто такие?

– Хорошо, что вы спросили! – едва не подпрыгнул от радости один из сальфов. – Меня зовут Ульрим, а брата – Розлим. Мы братья Торгури! Видите, как созвучно с Мастгури!

– Не видим, а слышим, – отозвался Эйдигер, многозначительно подмигнув Алисе. – Ну и что с того?

– Ну как это что? Мы очень хотим преподавать в вашей Академии. Мечтаем буквально. Готовы на любые испытания! Тут, с аннигиляторами, ну совсем скучно. А у вас…

– У нас убийственно весело! – согласился Вархар. – Но вы-то откуда знаете? Небось басен понаслушались?

– Не басен! Нам отец рассказывал. Он преподавал у вас военную подготовку, лет четыреста назад.

Вархар посмотрел на Эйдигера, на Мастгара, на Суггурда и беспомощно пожал плечами.

– А вы ничего не путаете? – осторожно уточнил Олин муж. – У нас сальфы военку сроду не преподавали.

– Да не сальф он! – воскликнул Розлим. – Он скандр. Дальхар Эйгерази. Не помните разве?

Глаза Вархара полезли на лоб. Лархар испустил странный звук, похожий то ли на «ойк», то ли на «ик», а его Марделина пораженно хмыкнула где-то позади дерева-талисмана. Эйдигер удивленно попятился, Ламар перестал скакать и замер как вкопанный. А Мастгар… присвистнул. И все бы ничего, но его богатырский посвист достиг самых глубин Академии. В ближайшем окне что-то звякнуло, раздался чей-то дикий вопль, и из окна высунулось нечто.

На голове у него было надето ведро, сверху на ведре висела сковорода и медленно вращалась, ритмично покачиваясь.

Нечто размахивало в воздухе руками и кричало что-то вроде: «Путу-бу-ру! Пру-ту-му-ру!»

– Не слушайте вы эту муру, – отмахнулся от жертвы Мастгара Вархар, подмигнул мне и уточнил у сальфов: – Ребята, а вы точно ничего не путаете?

Тот факт, что сальфы доросли в устах Вархара до «ребят», говорил сам за себя. Им удалось поразить моего варвара до глубины души, чего существам этой расы не удавалось на моей памяти еще никогда. Обычно Вархар называл сальфов бабами, в лучшем случае – хиляками.

Вархар подмигнул мне снова и продолжил:

– Просто я так, для лучшего знакомства, понимания ситуации хотел уточнить. А вы в курсе, что вы не совсем скандры? Точнее, как бы совсем не скандры?

Ульрим закивал, как китайский болванчик, Розлим поддержал.

– А тада ка-ак? – выразил всеобщее удивление Ламар, потому что у остальных, кажется, резко закончился словарный запас. А заодно и предположения – как такое вообще возможно.

Интеллектуальный нокаут наша команда пережила стоически. Несколько варваров уронили спортинвентарь. Знаменитая автомобильная ось с колесами, она же штанга, упала, расколола брусчатку дороги и покатилась куда-то вправо. Ее владелец – белокурый мрагул с носом-картошкой – запрыгал сальто следом. Похоже, уже сам по себе полет «штанги» служил для него сигналом к спортивным подвигам. Леплеры-велогонщики каким-то чудом порастеряли все свои мини-велосипеды. И теперь ползали под ногами у остальных, пытаясь их собрать. «Остальные» в долгу не оставались. Всякий раз, когда велогонщики дергали кого-то за ногу, чтобы «проверить под ней», падающий спортсмен прихватывал кого-нибудь из соседей. Вскоре образовалась внушительная куча-мала. А Вархар, Лархар и остальные наши бравые преподы продолжали пялиться на братьев Торгури с непониманием и изумлением.

– А-а-а! – наконец-то «отвис» Эйдигер. – Я вспомнил! Дальхар же говорил, что у него двое приемных сыновей.

Бурбурусс почесал затылок и помотал головой, словно не верил своим ушам.

– Это ж сколько надо было принять, чтобы вместо скандров родить сальфов? А? – в ужасе спросил он у Эйдигера. – Больше ни грамма не выпью! Даже мортвейна! Хотя он почти безалкогольный, как сок.

На этой фразе Алиса дернулась, Вархар хохотнул, а Слася покраснела и отшатнулась. Ламар завыл снова и разразился длинной витиеватой речью, достойной любого составителя словаря перекрестного мата и ругательств. Доктор Шок в деталях и образах сообщил нам все, что он думает о Сласе, ее спортивном инвентаре и ее художествах в гимнастике.

По академическому двору поплыла пораженная тишина. Кажется, не все спортсмены поняли некоторые фразы Ламара. Эйдигер посмотрел на младшенького с оттенком снисхождения, хлопнул по плечу так, что тот покачнулся и сел на брусчатку, и осуждающе произнес:

– Ну вот как тебе не стыдно! Женщина проявила к тебе такое внимание! А ты? Ну ты прям как не скандр. А знаешь, как кто? – Он ткнул пальцем в Ульрима и Розлима и гаркнул: – Наверное, и ты у нас приемный!

Ламар поджал губы и нервно взмахнул щипцами. Наши спортсмены одновременно присели, пропуская их над головой. Чарм попятился сильнее, наткнулся на здание и двинулся по стеночке. Только братья Торгури даже не шелохнулись. Как щипцы Ламара миновали Вархара, Лархара, Эйдигера и дерево-талисман, одному доктору Шоку ведомо. Только Ульрим и Розлим снова рухнули как подкошенные и распластались на брусчатке.

– Ну, по крайней мере, ударов по голове они не боятся! Как настоящие скандры! – торжественно провозгласил Вархар.

– М-гу. Только в обморок падают на ровном месте, – покачал головой Эйдигер. – Наши бы почесали затылок и пожали плечами.

– Ну погоди! Немного жизненного опыта, везения и общения с нами и… – начал было Бурбурусс. Но Чарм перебил его истошным возгласом:

– И придется покупать им инвалидные кресла! Я уже устал слушать – «переведи нас в Академию Войны и Мира, переведи в Академию Войны и Мира»… Жить им надоело, похоже…

Вархар улыбнулся мне и невозмутимо ответил Чарму.

– Жить как вы, трясясь из-за каждого сучка, любому наскучит, – поучительно сообщил он, ткнув пальцем в дерево над своей головой.

Из ветвей талисмана мурлыкнул Лучик – видимо, соглашался.

– Берите этих ребят и несите следом! – скомандовал Эйдигер нашим спортсменам.

Команда приободрилась – из кучи-малы показались ноги, руки, а затем и головы. Несколько «пловцов на газонах» схватили сальфов, подняли, как Вархар с Лархаром дерево, и направились туда, куда указал Чарм. В недавно отремонтированное спортивное общежитие.

Я шагала следом и размышляла. Зачем аннигиляторы затеяли ремонт перед самым нашим приездом? Это же все равно, что строить дома на вершине вулкана за неделю до извержения. Тем более что создавать нечто из воздуха аннигиляторы не могли. Вначале им требовалась «основа». Значит, властелины земли и гор – или, как их называли у нас, землеройки и камнетесы – старались, отстраивали корпус. Зачем, спрашивается?

На мой вопрос ответило дерево-талисман – смачно впечаталось в окно общежития. Грустно вздохнул позади процессии Чарм, а Лучик замурлыкал, похоже, чувствуя себя уже совершенно как дома.

И, словно приветствуя нас, на землю осыпались мелкие стекла.

Глава 4
Скандры – лучшее средство от потопа и скуки

Алиса

Большую часть жизни я провела в панельной ленинградке, доставшейся нам с Олей от мамы. Плесень на стенах, которую можно уничтожить только вместе со стенами, обшарпанные подъезды с незамысловатой наскальной росписью, пожизненно неработающие лампы в подъездах… Мы с Олей не жалели, что лишились этого яркого антуража времен соцреализма. Сам соцреализм давно канул в Лету, а дома стояли, продолжая «украшать» город облезлыми серыми фасадами и грубыми изломами крыш с нелепым нагромождением допотопных антенн. Не важно, что ими уже лет пятьдесят как никто не пользовался. Не важно, что на них собирались оголтелые стаи птиц, а под ними – голосистые мартовские кошачьи тусовки. Городские власти упорно не хотели выделять ни копейки для демонтажа древних конструкций. Мы с Олей шутили, что когда сломается стиральная машина, она же сушка для белья, протянем веревки между изогнутыми железками и будем вешать мокрую одежду. Ну а что? Должны же антенны хоть как-то пригодиться?

Несколько месяцев я жила в огромной квартире Академии Войны и Мира, будто созданной для полного комфорта и удобства. Жила я и в вычурном общежитии Академии Внушения и Наваждения, как метко выразилась сестра, похожем на кукольный домик для Барби. Только завитушек и стразов там оказалось несравнимо больше. Не говоря уже о статуэтках, барельефах и странных фигурках купидонов и птиц, обшитых кружевами с пайетками. Они сидели везде, где только можно, и даже там, где нельзя.

И все же аннигиляторы удивили, как никто другой.

Спортивное общежитие напоминало нечто среднее между допотопным ДК и королевским дворцом. Это дикое сочетание настолько резало глаз, что приходилось признать – внушатели все же строили со вкусом. Странным, не всем понятным, но со вкусом. В их бешено-розовых, глянцевых, сверкающих интерьерах было хотя бы немного гармонии. Надел черные очки, смирился с тем, что все вокруг цвета новорожденного поросенка, и можно жить.

Здесь же каждая деталь, каждый предмет мебели совершенно не сочетался с другими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.